КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1925 г. ДЕКАБРЬ № 12

ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 12 четвертый год издания 1925

Перепечатки разрешаются только при условии точного указания источника

ИВАН МОЛЧАНОВ

ГОРОД ВОССТАНИЙ

1

Суровый город—исполин
Овеян вьюгами седыми...
Ряды промчавшихся годин
Укрыты наглухо под ними.

Встают у памяти в дыму
Обрывки сказок и преданий:
Неволи тягостная муть
И пламя вольное восстаний.

Умчали в вечность декабри,
Застыл во мгле их след огнистый,
Но память пламенем горит
О первом бунте декабристов...

Выйдь на Сенатскую и стой,
Прислушайся к запевке вьюги,
Она в запевке той простой
Споет о недруге и друге.

2

Брожу по белым площадям,
Знакомо все и незнакомо:
И плещется как звонкий ямб
Их беспокойный шум и гомон...

Но что такое? Взвыл завод
Тревожной глоткою сирены...
В проливы улиц ПЯТЫЙ ГОД
Хлестнул прибоем белопенным.

Хлестнул... И вот—угрюм и хмур,
Весь в патрулях и баррикадах
Встает туманный Петербург
В спокойном гуле Ленинграда...

Настала ночь. И говор стих.
Луна зашла. И псы не воют.
И вспышки выстрелов глухих
Угасли где то за Невою.

3

Пылит пурга. Седая мгла
Ползет по серым тротуарам...
Адмиралтейская игла
Маячит в пламени пожара.

Ползут шинели и штыки
И город—на двое распорот.
Бледнеют звонкие гудки
Пред зычным выстрелом „Авроры".

Ряды октябрьских баррикад.
На смерть идущие отряды
За то, чтоб черный Петроград
Назвался красным Ленинградом...

Пылит пурга. Ползет туман.
Но песня дней минувших спета...
Спокоен город—великан
Скала Республики Советов.

Срочный фрахт

Рассказ Б. ЛАВРЕНЕВА.

I

В Константинополе турецкий почтальон, у которого засаленный хвостик фески свисал на горбатый сухой нос, под'ехал на каике к „Меджи Дальтон", заякоренной на середине рейда, и привез телеграмму.

Капитан Джиббинс расписался на трапе карандашом, дал почтальону пиастр и направился с телеграммой в свою каюту.

Там он не торопясь набил трубку зарядом „Navy-Cut", разжег табак, пыхнул несколько раз и разорвал узкую бумажную ленточку, склеивавшую бланк.

Телеграмма была от патрона из Нью-Орлеана. Патрон извещал, что компания Ленсби, зафрахтовавшая „Меджи Дальтон" на рейс Нью-Орлеан-Одесса и обратно, настаивает на ускорении погрузки и немедленном возвращении парохода, так как предвидится быстрый спрос на жмыховое удобрение, за которым и ушла „Меджи Дальтон" в Одессу.

Капитан пыхнул особенно густой струей дыма, перебросил трубку в другой угол рта и выцедил сквозь сжатые губы медленное — goddam [1].

Он вспомнил, что патрон, пожалев лишних двух центов на тонну, набил угольные ямы парохода не углем, а панельным мусором и при переходе через Атлантику с трудом удавалось поддерживать нужное давление пара.

Но приказ был получен, капитан привык исполнять приказы и, позвонив стюарду, велел позвать старшего механика О'Хидди.

Спустя минуту в дверь просунулась рыжая голова, остриженная ежиком, обвела узкое пространство и капитана добродушными васильковыми глазами и втащила за собой сутулое тело в футбольном свитере и купальных трусиках.

— Что вам вздумалось звать меня, Фред? — спросила голова механика ленивым голосом: — я издыхаю в этом треклятом климате и не выхожу из ванны. Когда мы вернемся, я попрошу патрона перевести меня на северную линию.

О'Хидди подтянул трусики на животе и добавил.

— Знаете, когда родишься в Клондайке и проведешь полжизни в меховом мешке, трудно примириться с такой негритянской температурой.

— О, я обрадую вас, — ответил капитан: — мы предполагали простоять до воскресенья, чтобы подчиститься и подмазаться перед Одессой, но вот телеграмма патрона. Торопит. Значит, снимемся ночью, а в Одессе хотя тоже не Аляска, но все же прохладней.

— А почему такая спешка? — спросил О'Хидди, в свою очередь набивая трубку.

— Ленсби хотят поскорее получить жмыхи. На рынке спрос.

Механик в раздумьи похлопал себя по голой коленке.

---

[1] — Чорт возьми!

— А вы знаете, Фред, — сказал он: — что в Одессе нам придется застрять для чистки котлов.

На лице капитана Джиббинса показалось нечто похожее на любопытство и он вынул мундштук из губ.

— Это еще что за новости? Мы произвели генеральную чистку в предыдущий рейс. Зачем же нам опять затевать эту пачкотню, когда от нас требуют спешки?

О'Хидди плюнул в пепельницу и злорадно хмыкнул.

— Можно подумать, что вы ученик первого класса воскресной школы, или по крайней мере небесный дух, до того наивные вопросы исходят из ваших уст. Вы видели уголь?

— Видел, — сухо ответил капитан.

— Так о чем же и зачем вы спрашиваете? Этот хлам коптит, тлеет и дает такой нагар, что уже половина труб не тянет. Без хорошей прочистки нам не уйти обратно, особенно с грузом.

— Это неприятно. Мы можем потерять премию. Сделайте эту возню в самое кратчайшее время. Нам нельзя терять ни минуты.

— Будьте надежны. Вы же знаете, что в Одессе есть мистер Бикоф и если ему заплатить как следует, — он не задержит.

Капитан удовлетворился и снова распустил мускулы лица в спокойное безразличие.

— Ладно. Полагаюсь на вас. Только скажите команде, чтобы к шести вечера все были на местах. Если кто-нибудь опоздает, я ждать не буду. Пусть по прошайничают в Галате до обратного рейса. Нужно уйти до заката. Пока не ударит пушка, иначе придется ждать утра.

— Хорошо, — сказал механик: — сделано.

II

„Меджи Дальтон“ прошла узкие ворота Босфора на закате, когда верхушки волн отливали багряным золотом и, резко повернув, взяла курс на север.

Капитан Джиббинс стоял на мостике, нахлобучив на лоб синюю фуражку с галунами и заложив руки в карманы.

По морским путям мира, в час когда волны отливают багряным золотом, проходят тысячи пароходов.

Старые, запятнанные ржавыми поцелуями всех океанов грузовозы и транспорты, легкие стимеры и великолепные громады трансатлантических пассажирских, четырехэтажные колоссы, перед форштевнями которых, как будто подавленная их величиной, покорно расступается гудящая вода.

Ночью под мерцающими узорами звездных сетей пересекают они морские дороги, вглядываясь в мировую темноту цветными огоньками электрических глаз.

Их движет и гонит через зеленые хляби воля банков, контор и пароходных компаний, жесткая, не знающая пощады и замедления, деловая воля земли.

На голубом мареве горизонта встают тени сказочных стран. В сказочных странах ждут горы нужного банкам и конторам груза. Он наполняет гулкие железные чрева, под свист и грохот лебедок, осаживая тела пароходов в стеклянную глубь, пока вода не покроет красной черты ватерлинии.

Сквозь туманы и солнце, сквозь звездные сети и разнузданные вопли ураганов, пароходы бережно несут свою ношу, чтобы не переставала кипеть сухая, щелкающая костяшками, загадочная работа на гремящих улицах, за зеркальными стеклами, до половины закрытыми зелеными шелковыми занавесками.

Свисающие на шнурах лампы струят уравновешенное мертвое сияние на высокие конторки, на худые лица в очках, склоненные над гросбухами и ресконтро. Эти люди так же жестки, как бумага конторских книг и когда они шевелят губами, откладывая костяшки на счетах, кажется что губы шелестят, как переворачиваемые страницы.

На бумаге растут колонки и столбики цифр. Они управляют судьбой весомых грузов, хранящих в обволакивающей тюки ласковой на ощупь рогоже странные, дразнящие ароматы сказочных стран, цветущих за голубым маревом горизонтов.

Люди конторок не слышат этих запахов. Они знают единственный аромат —

хрустящих цветных бумажек, на которых скучными узорами ложатся цифры и короткие слова всех языков земли.

Люди банков обращают в эти бумажки грузы, спущенные в трюм веселыми грохотуньями-лебедками. Они спешат совершить волшебное превращение, чтобы цифры, которые пишет ежедневно на черной доске мелом сухая рука маклера в мраморных залах бирж, оставались на спокойном уровне благополучия.

И подчиняясь приказу конторки, машины напрягают стальные мускулы, гнут блестящие колени и локти, трубы удвоенно плюют в свежее океанское небо отравленной копотью, быстрее рокочут винты и капитаны чаще спрашивают у вахтенных показания лага.

Капитаны всегда спокойны, как спокоен капитан „Меджи Дальтон". Они так же стоят на мостиках, нахлобучив синие с галуном фуражки и засунув руки в карманы. Прищуренными глазами они видят незримый другим путь, пролегающий через седые лохмотья пены.

Капитану Джиббинсу также виден путь от плоских зеленых берегов Нью-Орлеана до ярко-желтых рыхлых скал одесского приморья.

И ночью капитан Джиббинс трижды выходил на палубу, запахиваясь в короткое непромокаемое пальто, и спрашивал у вахтенного показание медной вертушки, меланхолично отзванивающей на корме над вспененной кипенью.

III

За переездом через рельсовые пути, пробегающие змеиной путаницей под бревенчатыми пролетами эстокады, залегли по улице низкие, из ноздреватого закопченного камня, дома.

Днем и ночью их обдает копотным грохотом от проходящих бесконечными вереницами кирпично красных поездов, принимающих и подающих грузы к известняковым плитам мола, о которые шурша трется мутно-зеленая вода.

Над дверью одного золотобуквенная вывеска: „Контора по ремонту и чистке пароходных котлов П. К. Быкова".

В конторе за письменным столом Пров Кириакович Быков. Он один обслуживает свое предприятие и с утра до вечера неподвижно восседает на широком кресле. Кроме него в конторе никого, если не считать двух портретов: самодержца и императора всероссийского Николая II и святителя Иоанна Кронштадтского.

Портрет самодержца пробит в двух местах. Случилось это два года назад, в дни, когда приходил в одесский порт восставший броненосец Потемкин.

Броненосец, простояв двое суток в порту и нагнав страху на власти, ушел к югу, а в городе разыгрался звериный погром и тогда пришли в контору к Прову Кириаковичу члены Михаила Архангела и босячня просить портрет, чтоб отправиться с ним по улицам. Должен был портрет сослужить хорошую службу, под его прикрытием надеялись грабить безнаказанно.

Но случилось иначе. Был уже отдан в это время приказ прекратить погром самыми суровыми мерами и едва отошла орда от конторы за угол, лязгнули три залпа и Пров Кириакович видел, как мимо окон пронеслись обезумевшие погромщики и один из них бросил в пыль портрет.

Когда проскакали казаки и все утихло, выполз Пров Кириакович, как барсук из норы, и внес портрет обратно. Стекло высыпалось, а самодержец был изуродован двумя пулями. Одна оборвала ухо, другая влезла в ноздрю.

Пров Кириакович горько вздохнул и решил купить новый, но потом пожалел денег и приглядевшись решил, что дело поправимо. Дырку в ноздре вовсе не заделывал — все равно и в природе там дырка, а ухо заклеил бумажкой и подчернил карандашиком под цвет.

Так и повис самодержец вдыхать конторскую копоть одной натуральной ноздрей.

А быковские мальчишки, что всегда толклись во дворе конторы подглядели и прозвали портрет непочтительно: „Колька рваные ноздри".

Дело у Прова Кириаковича большое, известное всем в порту.

Приходят в одесский порт, что ни год, сотни пароходов из разных чудных мест. У иного на корме портовая отметина написана на таком языке, что даже Мотька Хлюп, спившийся студент филолог, который зимой ходил вместо ботинок в навязанных на ноги татарских войлочных шляпах, и тот прочесть не может.

Долго ходят пароходы по морским путям и засариваются у них от нагара и копоти огнедышащие пароходные кишки — котельные трубы.

И чтоб отправиться дальше пароходу нужно полечить чугунный желудок, прочистить кишки, соскрести с них нагар.

В док из-за такой мелочи становиться нет расчета, чистят на воде и вот тут приходит на помощ больным пароходам животный доктор Пров Кириакович.

Для того у Прова Кириаковича целая рота мальчишек.

Узки котельные трубы, еще уже становятся от засорения, — взрослому человеку в них не забраться, а мальчишке по первому десятку в самый раз.

Скользнет вьюном в закопченную трубу и лезет с одного конца до другого три четыре сажени в тесноте, духоте и гарной вони и стальным скребком, а где надо зубилом с молоточком, оббивает толстые пленки накипи с металла.

Пров Кирлакович набирает мальчишню с Пересыпи, со слободок, за пятиалтынный в день на своих харчах.

Идут к дверям быковской конторы механики больных судов и принимает Быков заказ, записывая его каракулями в торговую книгу. Натужно писать Быкову, грамоте обучился с трудом и, выводя буковки, размазывает от усердия чернила по бумаге мохнатой бородой карла Черномора.

А, принявши заказ, открывает форточку во двор и кричит во всю глотку.

— Сенька! Мишка! Пашка! Алешка! Байстрюки, гайда на работу! Не копаться. Живо-о!

IV

О'Хидди в белом кителе и наваксенных желтых ботинках, с тросточкой в руке, спустился по широкой лестнице с бульвара, где истребил неслыханное количество мороженого и побрел вдоль эстокады, сопровождаемый комиссионером Лейзером Цвибель.

Лейзера знали все капитаны и механики приходящих в одесский порт пароходов. Он выполнял всевозможные поручения, начиная с внеочередного ввода в док океанских гигантов, до поставки веселящимся на твердой земле морякам беспечных и уступчивых девушек.

Лейзер знал все языки, насколько это необходимо было для портового комиссионера, в пределах вышеуказанных обязанностей. Он немилосердно коверкал слова, но все же ухитрялся заставлять понимать себя и был для морских людей, терявшихся на мостовых чужого города, спасительной нитью Ариадны, выводившей их из угрожающей путаницы лабиринта.

Лейзер провожал механика в контору Прова Кириаковича. О'Хидди мог бы дойти и один, ибо не в первый раз в своей бродяжной жизни гранил синие плитки одесских тротуаров, но об'яснится с Быковом без Лейзера не сумел бы. Пров Кириакович только умел ругаться по-английски, механик же знал три насущных, как хлеб, русских фразы: — „здрастэй", „Ти красивэй дэвуш, я льюбли тибе" и „как живьош".

Но для деловых переговоров этого было явно недостаточно.

Пров Кириакович солидно привстал перед посетителем и протянул пушистую в черных волосиках коротколапую лапу. О'Хидди стиснул ее коротким пожатием. Лейзер торопливо и с осторожностью подержался за кончики быковских коротышек.

— Как себе живете, Пров Кирьякович? — спросил он, ласково улыбаясь, но за улыбкой его трепетала тревога запуганного и забитого человека.

— Живем помаленьку. А ты как, жидовская курица?

— Ой, что значит курица? Если б я-таки да был курицей, так я бы носил домой каждый день по зернышку и кормил бы деток. А то я и не курица, а даже сказать совестно... Вот, может, сегодня заработаю, потому что я-таки да

привел вам клиента, так вы себе дадите бедному еврею, немножко и он даст.

— А какая работа? — осведомился Быков, открывая книгу.

— Ой, что за вопрос? Царская работа, чтоб ей легко икалось. Нужно вычистить мистеру котлы в два дня, потому что мистеру нужно срочно итти обратно в Америку и у него такой спешный фрахт, какого у меня никогда не будет.

— Два дня? За два дня и заплатить придется, как за два дня, — сумрачно отозвался Пров Кириакович.

— Так разве ж я что говорю? Что мистеру стоит? Он же немножечко богаче Лейзера. Он согласен платить.

— Согласен — так согласен. Скажи ему, что будет стоить...

Быков назвал головокружительную цифру.

Цвибель подпрыгнул и побледнел.

— Ой-ой, — прошептал он: — это же совсем страшная цена. Разве ж я могу выговорить такую.

— А не хочет, — не надо, — ответил, не меняя тона, Быков: — время горячее. Других найду.

Лейзер развел руками и робко сказал механику по-английски. К его удивлению, О'Хидди даже не поморщился и ответил коротким: — Wery good [1], — добавив, что если работа не будет кончена в два дня, за каждый день опоздания они будут удерживать двадцать пять процентов суммы.

— Нехай, — сказал Быков, записывая заказ: — ничего они не удержат, бо сделаю в срок, коли берусь.

Механик положил на стол задаток, взял расписку и кинул Цвибелю трешницу за комиссию. Пожав еще раз руку Быкову, он вышел из конторы, оставив Лейзера договариваться о подробностях.

На тротуаре он остановился, привлеченный шумом и смехом.

Пятеро чумазых, оборваных мальчишек играли на мостовой в классы, бросая пуговицы и прыгая за ними на одной ножке. О'Хидди не знал этой игры и глядел с любопытством.

Один из мальчишек, маленький и вихрастый, скакал ловче всех, поминутно хохоча от удачи.

[1] Очень хорошо.

Выбросив последним прыжком пуговицу из очерченного мелом квадрата, он поднял голову и увидел механика. Губы его растянулись, открыли сверкающие голубоватым отливом молока зубы. Он подбежал к механику, протягивая крошечную, черную обезьянью лапку и завопил.

— Капитен, капитен! Гиф ми шилинг иф ю плиз. Гуд бай! [1] Гав гав ду ю ду?

О'Хидди осклабился. Он вспомнил таких же чертенят на пристанях Нью-Орлеана и почуял теплое веянье родного ветра.

Рука его сама полезла в карман кителя и положила в протянутую лапку блестящий доллар. Монета молниеносно исчезла за щекой, мальчишка перекувырнулся, встал на руки и, подрыгав ногами в воздухе, прокричал: Гип, гип, ура!

О'Хидди осклабился еще ласковее.

Он потрепал вставшего на ноги мальчишку по грязным вихрам и сказал одну из своих спасительных фраз: — Здрастэй, как живьош?

Мальчишки заржали и один с восторгом сказал, сплюнув.

— Ишь ты! По-нашему знаеть, собачья морда!

О'Хидди хотел сказать еще что-нибудь, но об'яснение в любви красивой девушке не подходило к обстоятельствам момента, и он только крякнул.

Но из неудобного положения его выручил трубный голос Быкова с крыльца.

— Петька!.. Санька!.. Крыса!.. На работу!

Механик вежливо приподнял фуражку, раскланялся с мальчишками и пошел на пристань.

V

Среди быковских котлоскребов славился одиннадцатилетний Митька, по прозвищу „Крыса“, тот самый, который выудил у механика О'Хидди новенький доллар.

Никто не знал, откуда Митька, чей он, как его фамилия. Пров Кириакович подобрал его два года назад, полумертвого, в жару, в осеннюю ночь под эстокадой и пустил в дело, откормив немножко.

[1] — Дайте мне шиллинг, пажалуйста. Будьте здоровы!

Остальные мальчишки имели семьи, были детьми портовой бедноты, рабочих грузчиков и каталей, пересыпской и слободской босячни, — у Митьки в Одессе и на тысячи верст кругом никого не было. Всеми расспросами удалось выудить из него только одну подробность, что у мамки была синяя юбка.

Но в мире много синих юбок и с этой приметой у „Крысы" было мало шансов отыскать пропавшую мамку, бросившую его в порту.

А для быковской конторы Митька оказался золотым кладом. У мальчишки как будто не было костей. Худощавое, тонкое тело гнулось и сворачивалось в такие клубки, что у нормального человека лопнули бы кости и мускулы.

В деле Пров Кириаковича это было самое главное. Там, где пасовали остальные ребята, — в ход пускался „Крыса". Он пролезал, как угорь, в самые узкие трубы, он заползал в такие сокровенные уголки, в такие изгибы, куда нельзя было добраться никакими способами, без полного разбора машины.

Однажды он умудрился пролезть сквозь винтовую трубу насоса-рефрижиратора, вертевшуюся змеиными кольцами, с полным оборотом через каждые полтора аршина. Этот фокус прославил его имя во всем порту, а конкуренты Быкова предлагали Митьке не раз двойное жалованье, чтобы перетащить это чудо к себе. Но у Митьки, помнившего только цвет мамкиной юбки, был свой рыцарский кодекс. Он презрительно хмыкал острым носиком, за который вместе со своей нечеловеческой гибкостью и получил кличку „Крысы" и отвечал сурово.

— Значить, мине перед хузяином захудче блатного сволоча стать? Он мине откормил — отпоил, а я ему ж... в нос тыкнул. Мине и у него хорошо.

Конкуренты чертыхались и уходили. Была даже попытка ликвидировать „Крысу", для чего подговорили десяток мальчишек „накрыть Митьку польтом", но драку заметили во-время матросы „Чихачева" и успели отбить окровавленного мальчишку.

Так „Крыса" и остался у Быкова, храня верность своему первому хозяину, и Пров Кириакович, часто хлеставший своих котлоскребов по чему попало, никогда не трогал Митьку, не от человеческой жалости, а по сознанию невыгодности порчи такой диковины.

И, получив заказ на срочную чистку котлов „Меджи Дальтон", выгодный и хорошо оплаченный, он решил отправить на работу Митьку, зная что он один сделает работу за десятерых.

Он выдал мальчишкам скребки, зубила и молотки и отпустил их в сопровождении Лейзера, который должен был указать, где стоит пароход.

О'Хидди, придя на грузовик, явился в каюту капитана Джиббинса.

— Чорт, — сказал он входя и отирая лоб: — я не могу сказать, чтоб в этом году в Одессе было прохладнее чем у турок. Из меня вытекли все соки. Дайте выпить хоть вашего анафемского черри.

— Валяйте! — буркнул Джиббинс, наливая стакан: — ну, а как дело с котлами?

— Договорился. Мистер Бикоф берется сделать в двое суток.

— Оль райт! Есть новая телеграмма от патрона. Он согласен удвоить премию, если мы сократим обратную дорогу еще на двое суток.

Механик выпил залпом стакан.

— Ну я пойду, переоденусь в свой купальный костюм. Не могу жить в такой жаре.

Он ушел. Капитан Джиббинс лег на койку и задремал.

VI

О'Хидди только что кончил обливаться водой, когда дверь каюты раскрыл кочегар.

— Мистер О'Хидди. Пришли чистить котлы.

— Спусти их в машину, я сейчас приду, — ответил механик, растирая тело мохнатым полотенцем.

Он напялил трусики, повесил полотенце и, пройдя к люку, легко спустился по звенящей металлом крутой лесенке в кочегарку.

Мальчишки напяливали на себя брезентовые мешки без рукавов, защищавшие тело от царапин во время ползания по трубам.

Лейзер Цвибель вежливо поклонился механику.

— Они сейчас начнут. Они проворные мальчики. Будьте спокойны.

Один из мальчишек обернулся на звук голоса и в сумраке кочегарки сверкнули фарфоровые зубы. Механик узнал мальчика, которому дал доллар.

Он похлопал его по плечу, подмигнул и сказал опять:— здрастэй, как живьош?

— Не дрефь, дяденька, вычистим,— звонко сказал „Крыса":—ну, ребята, айда.

Он засунул зубило и молоток в карман, взял скребок и улыбнувшись на прощанье механику, нырнул головой в трубу.

О'Хидди постоял несколько минут, пока остальные котлоскребы исчезли в трубах и повернувшись к Цвибелю вежливо пригласил его выпить кофе.

Лейзер оценил эту вежливость и, высоко поднимая ноги, цепляясь за перила, пополз за ним наверх.

Он сидел в чистенькой каюте американци пил сладкий кофе с пряным кексом даже рискнул выпить рюмку ликера. После рюмки он вспомнил, что у него есть в Одессе грязная берлога, в которой сидит вечно голодная Рахиль с девятью ребятишками, что поблизости есть участок, а в нем господин пристав, и что господину приставу нужно каждый месяц носить пять рублей, чтобы он не трогал Лейзера. От этих мыслей ему стало тяжко и он, забывшись, начал рассказывать, изламывая слова механику о своих горестях.

Американец слушал вежливо, но видимо скучал. Лейзер заметил это, сконфузился, заторопился и встал, чтобы проститься.

Но дверь каюты распахнулась и на пороге появился тот же кочегар.

— Простите, мистер О'Хидди. Спуститесь в машину.

— Зачем?—спросил механик с явным неудовольствием.

— Там неприятность. Один из мальчиков завяз в трубе и не может вылезть.

— Goddam!—ругнулся механик и выскочил из каюты.

В кочегарке он застал машиниста, остальных кочегаров и мальчишек, столпившихся у отверстия трубы.

— В чем дело?—сердито спросил О'Хидди:—как это случилось?

— Мальчик полез в трубу и долго не вылазил. Потом он начал кричать. Мы сбежались, но ничего не можем понять. Он плачет теперь.

— Ой, что такое?—вскрикнул Лейзер, спустившийся за механиком:—мальчики скажите мене, что это такое?

— Митьку у трубе завязило.

— Залез, а вылезть не можеть.

— Ревет.

— Вытаскивать треба, — загалдели мальчишки на разные голоса.

Лейзер уткнулся головой в трубу и спросил взволнованно, услыхав тихий плач.

— Крыса! И что же это значит? Что с тобой сделалось, чтоб тебе отсохли печенки, когда ты так срамишь мене и хозяина.

Тонкий, прерывающийся всхлипами голос Крысы, глухо отозвался из трубы.

— Застрял Лейзер Абрамович. Я ейже богу не виноват. Лез по ей, узко... рука подвернулась под пузо... выдрать не можу... Больно...—и Крыса опять заплакал.

Лейзер всплеснул руками.

— Она подвернулась? Вы видали такие штуки? Как она могла подвернуться, когда ты таки получаешь деньги, чтоб она не подвертывалась. Вылезай, чтоб тебе лопнуть маленьким.

В трубе зашуршало и застонало.

— Ой... не можу... больно,—донесся оттуда голос.

Лейзер запрыгал на месте.

— Ты мене хочешь погубить, паршивец,—закричал он в трубу:—так тытаки вылазяй, а то я скажу Прову Кирьяковичу, он тебе все уши оборвет, мишигене.

— Не можу.

— Ой, мальчики! Он не может. Вы это-таки слыхали? Петька! Лазай в трубу, хватай его за обе две ноги, а мы будем тебя с ним вместе вытягивать. Полезай, паскудник. Ой, горе мое с этими детьми.

Петька полез в трубу. За ним втиснулся второй мальчишка.

— Держи его за ноги. Крепче. Не пускай,—командовал Лейзер:—ухватил? Ну, мальчики, тащите Петьку за ноги, чтоб вы мене его вытащили так, как я жив.

Мальчишки с хохотом ухватились за торчащие из трубы босые пятки и потащили. И вдруг из трубы донесся раздирающий смертельный крик, вопль Крысы: — ой, мальчики, голубчики... оставьте... больно мне... рука ломается.

Мальчишки растерянно выпустили торчавшие из трубы ноги. Лейзер побледнел.

— Вы не беспокойтесь, господин механик, — сказал он О'Хидди: — Это все пустяки, я привезу сейчас господина Быкова, он его вытащит в одну минуточку.

Он метнулся к лестнице и побежал по ней с быстротой, которая сделала бы честь самому О'Хидди

Оставшиеся мрачно стояли у рыдающей трубы.

— Нужно залить трубу смазочным маслом, — сказал машинист: — она станет скользкая и тогда мальчишку можно будет выволочь.

О'Хидди наклонился над отверстием. Он был взволнован, узнав, что в трубе застрял тот самый белозубый чертенок, каторый напомнил ему о Нью-Орлеане. У него засосало под ложечкой и чувствуя острое желание чем-нибудь помочь, он кинул в трубу ласковым голосом: „Алло. Здрастэй, как живьош?".

Мальчишки хихикнули. Из трубы вместе с плачем долетел грустный ответ.

— Плохо... Рука болить... Прямо, как сломанная.

О'Хидди ничего не понял, взволновался еще больше и заходил взад и вперед по тесному пространству перед топкой.

VII

Чугунная лесенка загудела и зашаталась под самим Провом Кириаковичем.

Не взглянув на дернувшегося к нему механика, Быков рыкнул на притихших и столпившихся у топок мальчишек.

— Это что? Вы баклуши бить будете? В шею вытурю, собачьи выскребки.

— Крыса завяз, Пров Кирькич, — пропищал жалобно Петька в ответ на рычанье хозяина. Рука Прова Кириаковича ощутительно дернула ухо мальчишки.

— Ты еще балачки разводить, сопля! Завяз!.. Тебе какая беда, шибенник? Марш в трубы! Я за вас чистить буду? Вы мне гроши уплатите, сукины сыны, коли в срок не кончу? А?

Мальчишки исчезли в трубах.

Пров Кириакович подошел к отверстию злосчастной трубы.

— Митька, — позвал он: — ты что ж это, стервец? Пакостить вздумал? Вылезай сей минут.

— Пров Кириакович, миленький, родимый, не сердитесь. Я бы рад, не можу. Совсем руку свернул, — услыхал он слабый, придушенный металлом голос.

Быков налился кровью.

— Ты мне кумедь не ломай, окоянный чорт! Вылазь, говорю, не то всю морду размолочу.

В трубе заплакало.

— Лучше убейте, не можу больше мучиться. Больно мне.

Пров Кириакович почесал в затылке.

— Ишь ты, и впрямь застрял, пащенок.. Треба веревкой за ногу завязать и тащить.

Лейзер осторожно приблизился сзади.

— Ой такое несчастье, такое несчастье! Мы уже пробовали, не вытаскивается. Господин машинист говорит — нужно смазочным маслом налить, тогда-таки скользко будет.

— Брысь, жидова, — отрезал Быков; — без тебя знаю. Скажи гличанам, чтоб несли масло.

Высокий канадец кочегар принес ведро с густым маслом. Пров Кириакович сбросил люстриновый пиджак и, размахнувшись плеснул масло в трубу.

— Палку с тряпкой, — приказал он перепуганному Лейзеру и, получив швабру, стал пропихивать в трубу.

— Еще ведро!

Второе ведро выплеснуло скользкую жижу в трубу.

— Петька, пащенок. Лизай с канатом. Вяжи его за ногу.

Петька полез в трубу. По грязным щекам его катились безостановочные слезы. Он трясся от страха и жалости к Крысе.

Вскоре он выполз обратно, весь черный и липкий от масла.

— Завязал — прошептал он, давясь спазмами плача.

Пров Кириакович навертел конец веревки на руку и, перебросив через плечо

потянул. Труба взвыла отчаянным, диким воплем.

— Не ори,—взбесился Быков:—барин нашелся! Терпи, чичас вытащу!

Он вторично налег на веревку и всю кочегарку пронизало нестерпимым криком. Прежде, чем Пров Кириакович успел потянуть третий раз, О'Хидди схватил его поперек туловища и швырнул в угол кочегарки на груду шлака. Губы механика дрожали.

— Скажите, что я не позволю мучить ребенка, — крикнул он Лейзеру.

Быков поднялся сине-пунцовый от бешенства.

— Ты, жидюга! Скажи ему, что ежели так, пусть сам копается. А не хочет— тогда придется трубу выламывать.

Лейзер, впавший в оцепенение, перевел.

О'Хидди тряхнул головой.

— Хорошо. Я пойду доложу капитану.

Он поднялся по лестнице и исчез в люке. Пров Кириакович хотел потянуть еще раз, но канадец предостерегающе поднял руку, и Быков остался неподвижен.

— Голова О'Хидди появилась в люке.

— Мистер Цвибель поднимайтесь и попросите с собой мистера Бикофа. Капитан желает говорить с вами.

Пров Кириакович плюнул, чертыхнулся и полез наверх.

Капитан Джиббинс стоял у люка, сурово сдвинув брови.

Он попросил об'яснить ему, что случилось и, выслушав ответ Лейзера, сказал неторопливо и тихо.

— Разобрать котел я не могу позволить без согласия компании и владельцев груза. Я дам сейчас срочную телеграмму в Нью-Орлеан. А пока пробуйте как-нибудь освободить мальчишку.

Быков опять полез вниз. В трубу лили еще масло, пробовали тянуть медленно и осторожно, но каждое дерганье причиняло Крысе невыносимую боль и снова кочегарка оглашалась воплями.

Мальчик рыдал и просил лучше убить его сразу.

Так тянулось до вечера. Вечером Быков ушел. Кочегары, взволнованно переговариваясь, прислушивались к глухим всхлипываниям.

— Ему надо просунуть еду с дымоходного конца,—сказал канадец:—иначе он не выдержит.

Один из кочегаров отправился к коку за едой.

VIII

Утром капитан Джиббинс получил ответ на срочную телеграмму патрону.

Он прочел его у себя в каюте и покачал головой.

Патрон телеграфировал, что не допустит никакой задержки и возлагает всю ответственность моральную и материальную на Джиббинса.

— Мы всегда найдем капитана, который может более тщательно соблюдать интересы фирмы,—заканчивалась телеграмма.

Капитан Джиббинс закрыл глаза и увидел жену и двоих детей. Лицо его на секунду потеряло невозмутимое спокойствие.

Он сложил телеграмму и вышел на палубу. Там стоял перед О'Хидди Быков и, размахивая руками, что-то горячо об'яснял Цвибелю.

Цвибель повернулся к капитану и впился в его лицо болезненно горящими зрачками.

— Мистер капитан, вы получили уже ответ?

— Получил, — ответил сухо Джиббинс:—передайте мистеру Быкову, что не задержусь ни на один час. Сегодня вечером топки должны быть зажжены, а завтра утром мы уходим. Если он не вытащит мальчишку — ему предется оплатить все убытки компании и мои.

Быков стиснул кулаки и пустил крепчайшую ругань.

— Ах ты ж треклятый ублюдок! Хоть бы ты здох в трубе, сукин сын.

Лейзер отшатнулся.

— Что такое вы говорите, Пров Кирьякович, что даже совсем страшно слушать. Разве на ребенке есть какая вина, чтоб он здох в таком нехорошем месте.

— Пошел ты к чорту!—свирепо сказал Быков и направился в кочегарку.

До обеда люди в кочегарке мучились, придумывая способы вытащить мальчика.

Канадец принес багор и крюком цеплял за надетый на Крысу мешок. Багор или скользил и срывался, или вырывал клочья брезента без пользы для дела.

Наконец уставший кочегар бросил багор.

Крыса уже не отвечал на оклики и только тихо стонал.

Колокол позвал команду к обеду. Тогда Быков насадил шляпу на лоб и пошел к капитану, приказав Лейзеру следовать за собой.

— Ну что? Вытащили? — спросил Джиббинс, — разжевывая бифштекс.

— Ничего не выходит, мистер капитан. Ой, какой страшный случай, — начал Лейзер, но Быков оборвал его. Он оперся руками на стол и кирпичное лицо его внезапно побледнело.

— Ты скажи ему, Лейзер, — начал он тихо, хотя никто не мог понять его кроме Цвибеля, — скажи, что вытащить стервенка нельзя, а я платить протори не могу. Откудова ж у меня такие деньги? Пусть затапливает с им вместе.

Лейзер тихо охнул.

— Ой, Пров Кириакович! Разве можно такие шутки? Как я скажу такое американскому капитану, чтоб убить человека жаром. Лучше вы сами разговаривайте, а я не могу. От мене и от детей моих бог откажется за такое дело.

Быков перегнулся через стол.

— Слушай, Лейзер, — прошипел он, — я не шутю с тобой. Я не хочу пойти по миру из-за выскребка. Вот мое слово, если не скажешь капитану, кладу крест, я расскажу господину приставу, как ты ходил по Дерибасовской с красным флагом и кричал „долой царя".

Лейзер почувствовал, как по спине его прошла мелкая дрожь, но попытался еще бороться.

— Ну и что ж такое? — сказал он с жалкой и больной улыбкой: — господин пристав ничего не скажет. Каждый настоящий еврей ходил с красным флагом и кричал „долой царя".

— А Шликермана помнишь?

Цвибель зажмурился. Он вспомнил изуродованное тело Шликермана забитого в участке и решился.

— Грех вам, Пров Кирьякович. Ну, я скажу капитану.

Капитан Джиббинс выслушал молча, подняв брови и ни одна черточка не дрогнула на его гладком лице. Он вынул изо рта трубку и ответил.

— Скажите мистеру Быкову, что он мерзавец, но мне ничего не остается делать. Пусть устраивается, как хочет. Я ничего не слыхал и не хочу слушать. Но вечером топки будут зажжены.

Быков поджал губы и вышел вместе с Цвибелем. Капитан Джиббинс налил большую кружку виски, выпил, не отрывая губ, и закрыл глаза рукой.

IX

В кочегарке никого не было кроме мальчишек. Американцы еще не пришли с обеда. Пров Кириакович оглянулся и подозвал Петьку.

— Полезай в трубу к Крысе. На, завяжи веревку на ногу. Когда гличане придут, я буду тебя тащить, а ты покрикивай. Неначе ты не Петька, а Крыса.

— А зачем, Пров Кирьякич?

— Ты еще поспрашивай. А вытащу, реви неначе с радости. Ну, а то в два счета к чортовой матери. А вы молчать! — крикнул он на трех остальных.

Петька исчез в трубе. Наверху послышались шаги спускающихся по лесенке.

Цвибель осмелился взять Быкова за рукав.

— Пров Кирьякович! Неужели ж вы себе решили загублять невинное дите?

Быков взглянул на него.

— И до чего вы жиды жалостливые, — сказал он с недоумением, — должно оттого вас и бьють во всех странах; — и добавил закипев вдруг злобой — твой что ли? Твое какое дело? Я его нашел, я за него и ответчик. Все одно у него никого, бездомный, никто не спросится. А я скажу, уехал с гличанами.

Лейзер махнул рукой и отошел.

Кочегары опять приблизились к трубе. Быков натянул веревку, Петька завыл, и веревка начала подаваться.

— Тащи!.. тащи! — заорал Быков и кочегары, инстинктом поняв, ухватились тоже за конец. Показалась Петькина нога, другая, выскользнуло тело и Петька, растопырив гряные руки, плюхнулся

лицом в железный пол, усыпанный острым шлаком.

Он сильно ушиб лоб и разревелся непритворно.

Кочегары радостно подхватили его и потащили вверх.

На палубе один из них стер полотенцем кровь с расшибленного петькиного лба и хотел смыть с лица черный налет мази, но Быков выхватил мальчика из рук у них и потащил к сходням. По дороге он наткнулся на вышедшего на шум из каюты О'Хидди.

— Что? — спросил механик.

Канадец, волнуясь, сказал ему, что мальчика вытащили, О'Хидди подошел к Быкову. Ему захотелось сказать что-нибудь спасенному и он ласково прикоснулся к слипшимся петькиным волосам. Петька повернул голову, открыл рот и механик увидел черные испорченные зубы.

Он отнял руку и проследил глазами Быкова, пока тот не скрылся с Петькой на руках за углом пакгауза. Механик отошел от борта и спустился в кочегарку. Мальчики собирали инструменты и собирались уходить.

О'Хидди подождал, пока они взберутся наверх, взял багор и просунул его глубоко в трубу. Багор натолкнулся на мягкое препятствие и О'Хидди услышал чуть слышное, как из-под воды мяуканье.

Он бросил багор и в несколько прыжков одолел лестницу. На палубе он умерил шаги и постучался в дверь капитанской каюты.

Джиббинс с изумлением посмотрел на механика, на расширенные васильковые глаза и бледное лицо, на котором выступил пот.

— Что с вами? — спросил он.

— Фред! Сделано преступление. Этот негодяй подрядчик обманул нас. Он вытащил из трубы другого мальчика. Тот остался там. Он почти умер, он уже не может даже кричать.

Капитан Джиббинс низко опустил голову.

— Я знаю это, О'Хидди!

Механик отпрыгнул на другой конец каюты.

— Как вы знаете?

— Знаю, — капитан Джиббинс трясущимися пальцами зажег трубку, — у нас нет другого исхода. Мы должны уйти завтра утром. Вечером вы разожжете топки.

— А ребенок?

Капитан Джиббинс поднял голову и взглянул прямо в глаза механику.

— Выслушайте меня, О'Хидди! Меня выбросят и не примут больше ни в одну компанию, если я не исполню приказа патрона. У меня дети и жена. Вы одиноки. Я знаю, что я совершаю преступление, но я человек, О'Хидди, и мне дороже мои дети. Вы холостяк и не поймете этого. Когда я думаю о том, что будет с моими детьми — я принимаю ужас этого дела на свою совесть.

— Но команда?

— Команда не узнает, если вы ей ничего не скажете. А вы не скажете О'Хидди, потому что вы не захотите, смерти еще и моих детей. Мальчика все равно уже не спасти. Еще два-три часа и он задохнется совсем. А в семь вечера мы засыпем уголь в топки. И больше я никогда не приду сюда.

О'Хидди стиснул виски. Ему показалось, что голова у него лопается, как раздутый резиновый шар.

— Хорошо. Я буду молчать. Да простит господь мне и вам, Фред.

X

„Меджи Дальтон" вышла с полным грузом в девять часов утра.

Утренняя пристань была пустынна и только у пакгауза жалась скорченная фигура в длинном потертом сюртуке.

Лейзер Цвибель пришел проводить пароход, потому что он был еврей и у него было ненужное никому и жалостливое к детям сердце.

Он ушел с мола, унося на согбенной спине, невидимый никому, но страшный груз.

„Меджи Дальтон" благополучно прошла Босфор и Гибралтар и вышла в седой простор Атлантики на путь, проложенный пять веков назад упрямым генуэцем.

Но в первую же ночь океанского рейса бросился за борт на глазах вах-

тенных матросов механик О'Хидди. Были спущены шлюпки, но поиски не привели ни к чему и капитан Джиббинс записал в журнал короткую заметку о смерти механика.

Одиннадцать дней океан встречал „Меджи Дальтон" ласковым легким ветерком и за весь переход не было ни одного шквала.

На двенадцатый — пароход встал в гавани Нью-Орлеана, привалившись бортом к пристани.

Патрон вместе с владельцами груза взошел на палубу поблагодарить капитана Джиббинса за удачный и быстрый рейс.

— Мы даем вам кроме премии еще специальную награду, и господа Ленсби также нашли нужным компенсировать вас за усердие. Ну, как вы развязались с этой заминкой в Одессе?

Капитан Джиббинс поклонился.

— Благодарю вас. Это пустая история. Я расскажу вам ее, если позволите, завтра, — ответил капитан Джиббинс.

На нем была синяя фуражка с галунами и в зубах капитанская изгрызанная трубка. Лицо капитана Джиббинса было гладко и спокойно.

Ночью, когда отпущенная команда с'ехала на берег и на пароходе остались только два вахтенных, капитан Джиббинс спустился в кочегарку. Он взял длинную кочергу и запустил ее в отверстие трубы.

На колосники топки вывалился кругляшок черепа и кучка костей. Капитан вторично запустил кочергу и выволок что-то, со звоном скользнувшее по решетке. Он нагнулся и поднял маленькую железную коробку, покоробившуюся от жара.

Собрав кости в скатерть, он вернулся в каюту и попытался открыть коробку. Она не поддавалась и открылась лишь после того, как капитан пустил в ход нож. В ней лежало несколько медных пуговиц и почерневший доллар.

На мгновение лицо капитана передернулось, как бывает при резком приступе зубной боли.

Утром капитан зашел к знакомому ювелиру и попросил впаять потемневший доллар в крышку серебрянного портсигара.

— Откуда это у вас? — спросил ювелир, поворачивая доллар на пухлой ладони.

Капитан Джиббинс нахмурился.

— Мне не хочется рассказывать об этом. История невеселая. Но я хочу сохранить эту монетку на память.

Он вежливо простился с ювелиром и вышел на улицу с гладким и спокойным лицом.

Он шел среди шума и грохота улицы в контору патрона, где за зеркальными стеклами закипала сухая, щелкающая костяшками, загадочная работа.

П. БРАНД.

ЯХТА.

На борту и парус, и машина,
Хмурый уголь и веселый шкот.
Ты пришла и парус перекинут,
Ты пришла—и дан машине ход!
    Видишь—берег обратился в пепел,
    За кормой—глубокая черта,
    Звенья мускул—рулевые цепи
    Залегли по кряжистым бортам.
Тяжесть рей не тяжелее чайки,
Но белей, чем крылья, паруса.
Посмотри—не зеркала ли гайки,
Мощен взмах стального колеса.
    Как судьба, канаты перевиты,
    Как нужда—сгорает антрацит.
    Уж не выше ли стрела бугшприта,
    Чем мечта проворная, летит?!
Гнутся мачты под тугим напором,
Море брызжет солью и дождем.
Винт и парус—в нераздельном хоре.
У штурвала—я и ты—вдвоем!

Рассказ Ник. ВОСКРЕСЕНСКОГО.

I

На каменных плитах, в тени высокой мечети только и можно было дышать в этот день. А дальше, вокруг... солнце врезывалось в землю тупыми лезвиями духоты, раскаленная лазурь полыхала жаром. Трескалась глина в арыках [1]. Пыль и ленивая истома распластались в воздухе, точно слюна в воде.

А избыток солнца — не радость!

От него выжженным пахнут желтые поля, и воздух утомленный и тяжелый. Люди, придавленные его бесцветной мягкостью — медленны, беспечны и смешны... Да вот они: их целая толпа.

Они побросали свою работу, грязные, душные жилища и собрались на этой площади, чтобы послушать маддаха-дервиша [2]. . Бродяги - ремесленники, оборванцы, обнищавшие купцы... Им это нужно, потому что бродячий монах свои небылицы рассказывает медленно и тягуче. Значит, можно долго не шевелиться, не двигаться и даже не думать ни о чем. Можно глазами упереться во что-нибудь тенистое и сколько угодно мечтать о радостях, о счастьи. А солнце все равно закатится в свой час. Для труда и невзгод времени останется меньше.

Ведь сказка про небо хотя и на мгновение, но глубоко оседает куда-то в жизнь. От дервиша — точно с поля гибким, капризно ныряющим вокруг ноздрей ароматом скошенного сена, веет причудливой, сказочной Меккой... А жизнь тут же рядом так убога и нища... Тянет грош швырнуть последний, только бы купить себе право помечтать. Потому что на большее не хватает сил. Потому что своя нищета и чужие серали [3] в обелисках из золота пожирают у этих людей все, что им даст возможность существования.

II

Несколько машкопов [4] сидело на ступеньках Ляби-Хауза: громадный Раджаб, Останкул и еще какие-то... схожие друг с другом. Изнуренные, одинаково грязные, в изодранных пестрых халатах. Отдыхали. Кожаные мешки, в которых они носили воду из хаузов в дома богачей, валялись тут же у самой воды. Их нужно было сотни раз наполнять, взваливать на плечи и куда-то относить. Это очень тяжело и за это дают так мало серебра, что его едва хватает на хлеб. От этого хочется швырнуть тяжелый мешок, хочется проклятия слать и бежать прочь, бросить этот город... и грязный, и громадный, и роскошный, и нищий, этот полудремотный город, весь напоенный потом и кровью тысячи машкопов и подобных им.

И вот стоило только какому-то пробегавшему мальчишке крикнуть, что на площади дервиш, как машкопы толпой говорливой и ожившей тотчас же устремились туда. Мешки бросили... да и на кой чорт они им теперь? Один Гази

---

[1] Арык — канава.
[2] Проповедник — монах.
[3] Сераль — дворец.
[4] Машкоп — водонос.

только не двинулся с места. Презрительной улыбкой провожая толпу, он окликнул Раджаба и сказал:

— Куда ты идешь? Ведь если мы сегодня наполним чаны в доме молодого бая, у нас будет по четыре тенги[1]... —

Раджаб махнул рукой и не глядя в умные, слегка прищуренные глаза Гази поспешил уйти. На площади протолкался поближе к дервишу. Проталкивался настойчиво и долго, а когда уселся, глаза забросил в небо, слушал и улыбался.

Узорами причуд восточных слаженная сказка, витиевато изгибаясь, лилась из уст старого дервиша. Слова в ней — как веревочка, когда плетут большую сеть... Сначало узелок... кончик мягонько пробрасывается дальше... и снова узелок. А нужно... так тут канатом узел ввяжут... Момент... и голос дервиша уже не тот! Он — точно горный поток! С ним целые эпохи мгновенно встают из могил.

Раджаб прикрывает глаза и видит, как седобородый пророк поднимается из глубин прекрасной Аравии для того, чтобы повести правоверных на небеса.

Виден рай... счастье... дождем льются щедроты всемогущего Аллаха... и лучшая из лучших...

Магометовский Коран[2]!

В нем силы больше чем у солнца. Он в переплетах своих защемил миллионы людей на несколько веков, как мальчуган пару щенят в собачьей конуре между наскоро сбитыми досками.

Солнце льет свою беспутную теплынь. Религия разврата, крови и меча торжествует.

Чу... вон... в диких скалах сурового Дарваза, в зное аравийских пустынь, в благоуханной Мекке, в ущельях, ведущих караван в сказочный Индостан и здесь, вот на этой городской площади, как столетия тому назад, и сегодня раздается потрясающий крик: „Нет бога, кроме бога, и Магомет — пророк его! —

И кажется, что только, только что на этой площади среди толпы был сам Магомет. Люди вскакивают и окружают умолкнувшего дервиша. Им слишком трудно расстаться с чудесной сказкой и снова уйти в тягостную, бескрасочную жизнь.

[1] Серебряная мелкая монета.

[2] Священное писание магометан.

И вот, как все, зачарованный Раджаб — хватается за отплески громадных мыслей.

Схватить бы... Удержать их...

И как, голодный — к хлебу, он тянется к дервишу.

Нет бога, кроме бога... и медные гроши полуголодных и оборванных падают в кяшкуль[1] монаха, потому что даром даже и мечтать о счастии нельзя. Раджаб знает это, и вот не зря в руке его серебряная тенга. Он склоняется у ног дервиша, глядит в Коран и молится искренне и горячо. И тут же чувствует, как дервиш вынимает из его руки блестящую тенгу, последнюю тенгу Раджаба и медленно бросает ее в кяшкуль.

Раджаб широко улыбается и снова думает о рае, потому что без этой тенги, хотя он и будет голоден, но ведь он может мечтать сколько угодно.

И другие, оборванные и грязные, подходят и бросают монаху свои гроши. И тоже улыбаются. Да, улыбаются...

III

Уже смеркалось. Идя с площади в уличке кривой и грязной Раджаб грезил и припоминал... Вздрогнул, услышав сзади окрик старого Гази. А Гази, ускорив шаги, подошел и, тихо посмеиваясь, спросил:

— Ты дал дервишу тенгу?

— Да!

— Последнюю?

— Да!

Старик оглушительно рассмеялся. Раджаб свирепо поглядел на него, но увидел лицо доброе и мягкое. Виновато улыбаясь, Гази взял молодого друга за руку и заговорил быстро, будто боялся, что мысль какая-нибудь спрячется от слов.

— Дервиши лгут... Зачем же ты отдал свою тенгу... Людям нет радости никакой. И Аллаха никакого нет... Нас обманывают, потому что мы нищие... и потому...

— Остановись, старик, — перебил Раджаб, — ты жаден, как голодная собака... свою тенгу я сам заработал, а не ты... Ты лучше подумал бы о... ты ведь старик...

[1] Индийский орех, выдолбленный в виде неуклюжей лодочки.

Глаза Гази сузились. При мысли о смерти страдальческая улыбка пробежала по его лицу.

Он хотел что-то крикнуть, но безнадежно как-то махнув рукой, медленно зашагал вперед.

— Постой... куда ты? — воскликнул Раджаб, направляясь за стариком.

— В териак-хану [1] — ответил Гази — там очень хорошо... Я отдаю пятнадцать шай [2] и делаюсь счастливым... Все забываю... не нужны мне дервиши и Аллах, потому что териак — без обмана... Как только выкуришь — сразу рай! Глаза вдруг видят шире и больше... сердце быстро, быстро стучит. Думаешь, точно в облака глядишь... краски, счастье, быстрота, клубятся, несутся... поют...

Лицо его горело. Возбуждение красило кожу желтую, дряблую, больную. Он говорил словами, которых никогда раньше не слышал Раджаб, которые и в нем самом звучали неведомо откуда взявшейся новью. Но вот старик весь как-то осунулся. Глаза устало заморгали. Уверенность и четкость напряжения убежали с лица и сделалось оно каким-то жалким и несчастным. Он крепко стиснул руку Раджаба. Кашляя и надрываясь, снова заговорил.

— Ты понимаешь, за пятнадцать шай бедняк может сделаться счастливым... ха... ха... ха... за пятнадцать шай, а какая разница отдать их дервишу или еще кому-нибудь... лишь бы от горя спрятаться, потому что тяжело...

Он почти прокричал конец и тут же расхохотался. Смех его напомнил быстрые удары молота о сталь. Какая-то темная, страшная сила выпирала из тщедушного старичка. Раджаб встрепенулся. Родится ж мысль о тиши и уюте, когда раскаты грома с ножами молнии хлещут небо, как плеть мальчишку, по лицу которого кувыркается ужас и боль...

Хмуро улыбаясь и, не глядя в лицо Гази, он тихо проговорил: — Послушай, старик, если у тебя для давнишнего друга найдется лишняя тенга, возьми меня с собой в териак-хану...

[1] Териак — опиум. Териак-хана — курильня опиума.
[2] Шай — мелкая медная монета, $^1/_{16}$ часть тенги.

Гази схватил Раджаба за руку. Глазами уставился в его лицо, отыскивая что-то...

— Ведь лгут они?.. — произнес он, крепче стискивая руку Раджаба. — Лгут? а? разве есть у Магомета рай для нас... Разве есть?..

Раджаб не отвечал. Сам о чем-то беспокойном и неуловимом думал.

А этим временем они уже вышли из массивных городских ворот и зашагали по кладбищу. Однотонный город восточных мертвецов был жутко торжественнен. Ни единной веточки не было в нем, ни единного цветного мазка. Только глина и камни, да издали шакалиный вой.

Гази согнулся весь и плелся за Раджабом, напоминая старую побитую собаку.

— Знаешь что? — заговорил он, поднимая взор от глиняных могил и жадно разглядывая потемневшие контуры гор — не ходи курить териак. С ним — очень хорошо... но зато после жизнь делается камнем... а солнце — точно керосин, мутное и без радости...

— У меня мать, знаешь, была — продолжал он почти неслышно. — Она была красива и хороша... а отец!.. О — сволочь! Он заставлял ее спать с муллой, потому что этот толстый сластолюбец денег и много териаку ему приносил... Я всю жизнь теперь слышу ее рыдания и плач... И не помню... это, кажется, было долго, долго, я еще маленьким ребенком был. Но только однажды мулла умер. Отец превратился в зверя. Он хотел курить, но негде было достать териак. Тогда он погнал мать в казармы к эмирским солдатам, что бы денег ему принесла... И мать повесилась... Ох! Если бы только видел бы...

— Этот териак, значит, хуже шайтана, — проговорил Раджаб, но Гази ничего не слышал.

Бесцветные слезы катились по его иссохшим, старческим щекам. Он только с завистью смотрел на богатырскую фигуру Раджаба, на его здоровое, молодое лицо. И вспоминал свое. Оно еще не было так старо, но казалось зеленовато-желтым. Глаза впали глубоко, и когда Гази случалось посмотреть на базаре где-нибудь в зеркало или в воду хауза, с утра нерастревоженную еще никем он

видел страшное лицо, на котором грезы опиума залегли противными болезненными чертами.

— Эх! Если бы мне твое тело,— прошептал он,—я не стал бы с ним слушать дервишей... я бы...

— Ты?! — перебил Раджаб. — Но почему ты не бросишь курить териак? — Ведь это он сделал тело твое таким старым.

— Поздно. Я все потерял. Не было у меня ничего и нет! Я могу только за пятнадцать шай в териак-хане покупать свое бедняцкое счастие... Все другое — для других...

В это время они подошли к териак-хане. Курильня опиума была в низком глиняном доме, приютившемся в смачном колорите абрикосовой листвы. Немного поодаль, вокруг заглохшего хауза, стояли тахты, на которых утомившиеся курильщики могли пить зеленый чай.

Машкопы, не спеша, вошли в дом.

В маленькой мрачной комнате Гази бросил хозяину две тенги.. С громадным, оголенным из-под грязного халата животом, тот широко улыбнулся и приветливо распахнул низенькую дверь. И жутко вдруг сделалось Раджабу от этой улыбки, от раскрытой двери и от тяжелого кашля, раздававшегося вокруг.

— За пятнадцать шай... рай и счастье...—еле внятно пробормотал он, входя в курильню, слабо освещенную мерцающей коптилкой.

— Вот оно — это счастье, смотри — произнес Гази, тяжело опускаясь на ближайшую тахту. Рванул халат, распахивая грудь. Была она впалая, землянистого цвета, напоминала полузасыпанного мертвеца.

— Смотри, вот это от счастья... С такой грудью нужно медленно шагать в могилу... а жизнь для других, полногрудых, у кого тело выхоленное и мускулы не болят.

Он плакал. Но не долго. Потянулся за трубкой и все забыл. Глаза закрылись. Беспечная радость искривила углы губ.

Раджаб с любопытством огляделся вокруг. Низкие потолки наседали на вялый мерцающий свет коптилки. Полуживые трупы валялись тут и там, прямо на полу и на коврами застланных циновках.

— Неужели Аллаховский рай такой же,—мелькнула у него мысль —Неужели же правду знает старый Гази?

Он видел отвратительные дикие глаза. Головы, тяжело запрокинутые и с полураскрытыми, остекляневшими глазами. В складках век, в изгибах вдруг застывших жестов ему почудилось что-то темное, страшное, как в детстве бывало от ночных улиц, глядевших каждой впадиной и кривизной, как чем-то нескончаемо-неясным, давящим и угрюмым. Он слышал кашель, вырывавшийся сквозь стиснутые зубы из какой-то опустевшей, звонкой глубины. До него доносились вздохи сладострастья и шелест чего-то, тягучий такой... Будто грезы, надвигаясь, могут шелестеть. Он видел скверную радость на лицах. Видел, как улыбки набегали, скатывались под кашлем и снова разбрасывались по лицу.

И снова, снова он думал об Аллаховском рае.

Полутемная комната была похожа на пьяную могилу. А этим уснувшим казалось, что они в раю. Их мысль ласкали трепетные сновидения... Грезы кружились неуловимые, как контуры морской волны. Раджабу хотелось бежать куда-нибудь прочь от этого смрадного чистилища... куда-нибудь на площадь, к людям, к солнцу...

Трубка давно уже была в его руке. Он опять подумал о рае, но несколько затяжек—и голова закружилась. В последний раз отравленная мысль изогнулась дерзкой потугой, загадочный туман уже стелился в мозгах и в глазах. Все бледнее и бледнее мерцала коптилка. Вздрагивая, сжались ресницы. Видения красочные, четкие, как солнечный свет, и неуловимые, как дикая лань, затолпились, набегая друг на друга. Тело конвульсивно перегнулось и рыхло опрокинулось на тахту.

Потекли пустые минуты пятнадцатишайного счастья. Раджаб распластался по тахте, бросив под голову руку. По лицу его то пробегала счастливая безмятежная улыбка, то гримаса боли и отвращения, будто частички сознания, убегали куда-то вон..

Прошли часы.

Уже линяли краски, таяли грезы и еще кашель бил молотом в душу и в грудь. Раджаб еще спал, когда старый Гази очнулся и тяжело привстал. С полузакрытыми глазами, шатаясь, он направился к дверям. Цеплялся за стены и тихо про себя смеялся. Здесь он обернулся назад и широко развернутым, безумным взором долго глядел в курильню и что-то шептал. А кашель услышав, трусливо вздрогнул и выбежал прочь.

Скоро вслед за ним проснулся и Раджаб.

Потянуло на воздух. Во рту было липко, трещала голова. Ничего не сознавая, он машинально приподнялся и последовал за Гази. Свежая летняя ночь прохладой будто выполоскала мозги. Скверно сделалось, вспомнился отсвет видений и надтреснутый хохот старика. Раджаб снова задумался, однако, мысли после опиума, как дождевой поток, были непокорны, быстры и мутны.

Только вдруг Раджаб, было забывшийся тяжелой, но отрезвляющей дремой, услышал крики, треск, какие-то удары, звон разбитого стекла, хохот и шум. В раскрытую дверь домика были видны силуэты каких-то людей. Раджаб тотчас же вскочил и бросился к домику. Тут он увидел старого Гази, который крепко, обеими руками вцепился в бороду какого-то старика... Побежав ближе, Раджаб узнал в нем маддаха-дервиша. Гази подтащил его к выбитым дверям курильни и, потрясая изо всех сил, истерически кричал:

— Слышишь... говори... говори скорей... Там, на площади, поучая правоверных, ты такой же рай обещал? Ха... ха... ха... ха... Такой же, как здесь... Говори... у твоего паршивого Аллаха такой же рай, как здесь? А? Говори! Негодяй! Говори!

— Гляди, гляди, Раджаб! — закричал он, с трудом узнав подбежавшего друга, — на площади он кричал нет бога, кроме бога, а сюда принес опиум, чтобы получить золотые кружки... Вон они...— Тут он рванул пояс дервиша, и куча золотых монет со звоном рассыпалась по полу.

Дервиш, с перекошенным от страха лицом, увидел надвигавшегося Раджаба и, увлекая за собой Гази, попятился к дверям, возле которых хозяин курильни торопливо собирал рассыпанное золото. Раджаб, как во сне, еще слабо соображая, двинулся вперед, отбросил помешанного старика и крепко схватил монаха за горло.

— Гляди, — кричал, между тем, Гази, — это тот самый святой маддах... Он погубил мою мать... из-за него я такой... из-за того, что он здесь и там продает беднякам счастье... ха... ха... ха... Нам счастье, а ему золото. Ха... ха... ха... Беднякам пятнадцать...

Он бессильно всплеснул в воздухе руками и замертво свалился у стены. Еще несколько мгновений хохот и кашель, как вода и огонь на громадном пожаре, мешались, выли, шипели.

Раджаб слушал и все сильнее сжимал горло дервиша. Потом, поняв вдруг что-то громадное, он выпустил монаха и хрипло зарычал:

— Мерзавец... Мою тенгу!

И тут же, не дожидаясь ответа, страшным ударом кулака уложил монаха рядом с умолкнувшим Гази.

Разбитые баррикады.

Московское восстание 1905 г.

Российская революция 1905 года подняла революционное движение рабочего класса на небывалую дотоле высоту. Впервые в истории пролетариат выступил в этой революции в качестве руководителя, в качестве *гегемона*. Впервые он применил, как важнейшее средство политической борьбы, *массовую стачку*, проверил и применил к новой обстановке тактику *вооруженного восстания*, тактику *баррикадной борьбы*, дал *новые* формы революционного об'единения—*советы* и *завкомы*, построил *по новому* старые пролетарские организации—профсоюзы.

Начало революции 1905 года положило массовое выступление петербургских рабочих 9 января. С этого момента, по словам Ленина, „дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа“.

Характер революции 1905 года лучше всего определяется словами Вл. Ил. Ленина, будучи буржуазно-демократической по социальному содержанию, по своим основным ближайшим целям, первая русская революция является „вместе с тем и *пролетарской* не только в том смысле, что пролетариат был *руководящей* силой, авангардом движения, но и в том смысле, что *специфически-пролетарским средством была именно стачка, представляющая главное средство раскачки масс* и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий“ (Ленин, „Девятое января“).

В декабре 1905 г. в Москве политическая стачка — „специфически-пролетарское средство“ борьбы,—переросло в вооруженное восстание. Восстание это явилось попыткой *решить* посредством оружия, т.-е. наиболее радикальным путем, вопрос о власти, осуществить основные задачи революции в наиболее полном, последовательном виде.

Остановимся кратко на том пути, который прошла революция от начала ее, от первой вылазки (9 января) до ее высшей, решающей точки (восстание)?

Ленин говорит о „волнообразном нарастании“ движения. Нарастание это шло по линии массовой борьбы (демонстрации, стачки) и по линии вооруженных столкновений. В январе 1905 года бастовало 440.000 рабочих, в том числе только на политической почве—13.000 чел. Главное выражение политическому настроению пролетариата в этом месяце дали события 9 января — массовое шествие рабочих с революционной по существу, „верноподданнической“ по форме — петицией к царю.

Но в октябре 1905 года бастует уже 500.000 чел., в том числе на чисто политической почве — 339.000 чел. Бастуют кроме того все железные дороги. Здесь „специфически-пролетарское средство“ борьбы применяется с невиданной в истории силой и размахом. Результат — первая брешь в здании царизма: манифест 17 (30) октября о „свободах“.

В ноябре происходит некоторая заминка. Под влиянием слишком большого размаха движения, с одной стороны, „уступки“ царизма—с другой, имущие классы производят перегруппировку, массы устали. Всеобщая стачка, провозглашенная Петербургским советом, терпит неудачу. В чисто политических забастовках в этом месяце участвует только 147.000 чел.

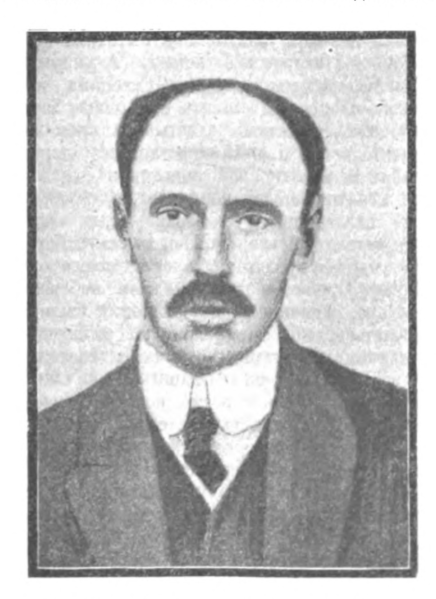
Борьба с небывалой силой разгорается в декабре. Число политических стачечников—370.000. Москва восстала. Вооруженная борьба — в Ростове, Харькове, Нижнем, Александровске, Донбассе, Твери и т. д. В ряде городов власть фактически в руках революционных партий. *Силою оружия решается судьба самодержавия.*

Вооруженные выступления имели место и в предыдущие месяцы. В июле подняли знамя восстания броненосец „Потемкин — основная боевая сила Черноморского флота. В октябре восстал Кронштадт. В ноябре восстал Черноморский флот. В ряде мест происходили и другие менее значительные столкновения.

Армия и флот приходили в состояние колебания. На них начинало отражаться влияние *крестьянской борьбы*. К ноябрю около $^1/_3$ уездов было охвачено крестьянскими „беспорядками“. Было уничтожено около 2.000 помещичьих усадеб. „К сожалению— замечает Ленин—эта работа по уничтожению

устоев помещичьего господства была слишком мало основательной, ибо „крестьяне уничтожили тогда только 15-ую долю общего количества дворянских усадеб“, потому что „действовали слишком распыленно, неорганизованно, *недостаточно наступательно*, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции“.

Анализируя осенние восстания моряков и солдат, Ленин и здесь отмечает недостаток

И. Ф. Дубровинский (Иннокентий)
член ЦК. и МК. партии большевиков непосредственный участник декабрьского восстания. Умер в 1913 г. в ссылке в Туруханской области.

решительности и революционной выдержки и, наоборот, наличие „*болезни доверчивости*“. У восставших „не хватило достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только низвержение правительства и захват власти во всем государстве „являются единственной гарантией успеха революции“. Почему были допущены все эти ошибки? Потому, отвечает Ленин, что „*не хватало организаций революционных социал-демократических рабочих в военных мундирах*“.

Ниже мы увидим, что „организации революционных социал-демократов“ не хватало и в центральном пункте первой русской революции — в московском восстании.

Естественно, что восстание—самая острая, самая решительная форма борьбы — заставило различные классы и партии окончательно занять позицию по ту или по сию сторону революционной баррикады.

Отношение к вопросу о восстании — принципиальное и практическое—это и есть, в сущности, отношение к революции. Ибо решить вопрос о власти, дать победу революции, т.-е. дать реальную победу угнетаемым, подавляемым дотоле классам может только вооруженное восстание, только *сила*.

Каково было принципиальное отношение главных политических партий в 1905 году *к основному*, решающему вопросу о восстании?

* * *

Разберем точку зрения вождя либерализма *Милюкова*. В октябре либерализм на I с'езде кадетов заявлял о „*своей полной солидарности с забастовочным движением*“. Октябрьская всеобщая стачка привела к манифесту 17 октября—это было вполне достаточно для либералов. Но дальнейших, более решительных шагов вперед, либеральный буржуа уже не хотел, от „крайностей“ революции он решительно предостерегал.

В ноябре Милюков заявлял, что он „вполне признает *верховное право революции*“. Но тут же делал оговорки, которые в корне уничтожали это „верховное право“. Милюков указывал, что либералы „не обоготворяют революции“, что они „не делают из нее фетиша“. Милюков предлагал „революционные настроения“... сосредоточить в одном русле, в котором вся сила напора может быть использована *целесообразно*.

Судить о „целесообразности“ предоставлялось, разумеется, кадетам, и „сосредоточение в одном русле“ мыслилось, как *сосредоточение революции в русло либерализма*. За революцией признавалось „верховное право“, если бы она согласилась служить либерализму. Иными словами, никакого действительно „верховного права“ либерализм за революцией не признавал и признавать не мог, ибо руководство в ней принадлежало пролетариату — непримиримому врагу буржуазии.

Какую революцию хотел либерализм? На этот вопрос он дал ответ, определяя свое отношение *к вооруженному восстанию и республике.* В официальном органе кадетов „Свободный народ“ *в программной* статье в ноябре 1905 г. Милюков писал:

— „Они (революционеры) постепенно отказываются от той *переоценки собственных сил*, которая так естественна в пылу борьбы и в опьянении ее первыми успехами. Рано или поздно они признают, — как уже теперь признают, некоторые из них, — что в их *надежде одолеть технические силы государства путем прямого вооруженного восстания* и в другой их надежде — сделать Россию немедленно *демократической республикой* — заключалась или заключается *очень большая доза такой переоценки собственных сил.* Тем нужнее *открыто и настойчиво указывать нашим друзьям-противникам слева на причины и следствия их практических неудач, которые без сомнения, будут и нашими собственными неудачами*“ (Милюков: „Год борьбы“, стр. 166).

Вот она — политическая программа „левой“ либеральной буржуазии! Она — против демократической республики, т.-е. против решительной ликвидации царизма, и отсюда — против вооруженного восстания! Если революция ставит перед собою такие цели, тогда либерализм отрицает за ней „верховное право“, об'являет ее „плохой“. Если революция *ограничивает* себя программой либерализма, тогда она „хороша“, тогда она помогает буржуазии вырвать уступки у царизма, тогда она способствует *сделке* между царизмом и революцией. *Но тогда революция по существу уже не революция*, тогда она на деле отказывается от своего „верховного права“, отказывается от своей основной задачи решительного устранения с исторической арены политически и социально господствующего класса.

Либерализм именно такой не настоящей, не рабоче-крестьянской, не последовательной „революции“ и хотел. Поэтому он выступал против развертывания революции, против ее победы посредством восстания.

Как относился к вооруженному восстанию *меньшевизм*? Кадетские „друзья-противники слева“, о которых писал Милюков, — это именно меньшевики. Их „предостерегать“, их „убеждать“, на них воздействовать — это была одна из важнейших задач кадетов. Работа либерализма в смысле влияния на меньшевистскую социал-демократию не пропадала даром. В частности, в вопросе о вооруженном восстании меньшевики занимали позицию, которая по существу, — принимая во внимание тогдашние условия, — вполне должна была удовлетворить кадетов.

Свое отношение к вопросу о вооруженном восстании меньшевики официально определили на всероссийской майской (1905 г.) конференции. Их позиция в вопросе о восстании целиком, разумеется, вытекала из их основной тактической линии. А линия эта сводилась к признанию, что „социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайне революционной оппозиции“ (резолюция меньшевистской конференции).

К власти пусть приходят, т.-е. *пусть побеждают* другие партии, социал-демократия — партия пролетариата останется в оппозиции. Пролетариат не должен побеждать, это, по мнению меньшевиков, было бы несчастьем, ибо социализма по об'ективным причинам он осуществить не в состоянии, а на меньшее он согласиться не может. Ленинская мысль о возможности *перерастания* буржуазно-демократической революции в социалистическую, меньшевикам была недоступна. Они не считались и с тем непреложным фактом, что пролетариат являлся единственным классом, способным провести наиболее последовательно, довести до конца буржуазную революцию.

Меньшевики отвергали *централизованное руководство* революционной борьбой со стороны пролетариата.

Посредством стачек, демонстраций, митингов, местных столкновений, посредством „развязыванья революции“ самодержавие будет дезорганизовано, и тогда революционная стихия выдвинет какой-либо центр, в состав которого социал-демократия входить не будет и который возглавит революционное движение.

Что это на деле означало? Либо то, что плодами массовой народной борьбы, результатом „развязыванья революции“ могла воспользоваться единственная после социал-демократии реальная организованная сила — либеральная партия, либо то, что силы революционного народа были бы растрачены на частичную борьбу. Основная задача рево-

люции не была бы разрешена — царизм сохранил бы свои главнейшие позиции. *В первом случае тактика меньшевиков целиком лила воду на мельницу либералов,*—революционные усилия народа вводились в „русло“ кадетизма. Во втором случае, тактика меньшевиков являлась *пораженчеством* в отношении революции. На словах меньшевики были за подготовку восстания. Но вместе с тем в резолюции, говорилось:

„Возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и *подготовить* его конспиративно организационными средствами *исключается* уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно-стихийным характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы“.

Организующая роль партии в деле подготовки восстания отрицается. „*Вооружение народа — не дело партии*“. Такова одна из основных формул меньшевизма в вопросе о восстании. Народ сам должен вооружиться. Наша задача—вести агитацию за восстание, мы должны „*вооружить массы желанием вооружиться*“.

В чем тут было дело? Верно, что в революции действует народная стихия. Но абсолютно неверно, будто организаторской работе нет здесь места. Стихию нужно *направить*, массам нужно *указать путь*, массе нужно дать руководителей. В момент восстания это особенно важно. Здесь необходимы боевые руководители, нужны вожди и вожаки.

Отсюда задача революционной партии — сделать *максимум возможного* для придания организованности стихийному движению. Отсюда обязанность революционной партии все силы направить на создание боевых кадров, которые в моменты восстания смогут сыграть решающую роль.

Почему меньшевизм возражал против этих, казалось, элементарных соображений? Потому, что это по существу не была революционная партия. Потому, что она в действительности не хотела единого мощного всероссийского вооруженного удара на твердыни царизма, удара, который мог бы расстроить все карты либерализма. *Меньшевики не хотели организованного, вооруженного восстания, ибо победа такого восстания означала бы не только решительный крах царизма, но и серьезное поражение буржуазии.*

Они ссылались на невозможность организации вооруженной борьбы. Никто не ручался за безусловный успех. Но все возможное, все доступное революционная партия обязана была сделать. Исход определился бы, в конечном счете, реальным соотношением сил. Партия должна была всемерно увеличивать реальные силы революции. Так именно и поступали большевики.

Как практически решался вопрос о восстании в первой русской революции? Конечно, здесь действовала стихия, но не только стихия. Московское восстание было наиболее организованным, наиболее „заговорщечески“ подготовленным восстанием, хотя и того и другого оказалось далеко недостаточно для того, чтобы победить. Но без организации, без предварительной большевистской подготовки восстания либо не было бы вовсе, либо оно имело бы значение малозаметного эпизода. *Московское восстание заняло почетное место на страницах истории потому, что это было руководимое большевиками революционное восстание.*

Опыт революции показал, что и в этом случае не меньшевистская, а большевистская тактика оказалась, — с точки зрения революционера, — единственно правильной.

Партия эс-эров как во всех основных вопросах революции, так и в вопросе о восстании не имела ясной принципиальной позиции. Социально она была крайне разнородна: она об'единяла в своей среде разнообразные элементы, начиная от городского мещанства и интеллигенции, кончая беднейшими крестьянами и фабрично-заводскими пролетариями. Широкой связи с массами она не имела, по значению в революции 1905 г. занимала третье место.

В качестве *главного оружия* в борьбе с царизмом, партия эс-эров объявляла *индивидуальный террор*. К массовой борьбе относилась пренебрежительно. Отсюда ясно, что занимать ясной принципиальной позиции в вопросе о *массовой* вооруженной борьбе она не могла.

Практически эс-эры некоторое участие в массовых восстаниях, в том числе и в Москве, принимали. Однако, нигде они руководящей роли не играли.

* * *

5 декабря общегородская конференция московской организации большевиков постановила объявить политическую стачку с целью перевести ее в вооруженное восстание. Решение конференции выражало настроение широчайших рабочих масс, которые хотели решительной, решающей борьбы с царизмом.

В. Л. Шанцер (Марат)
член ЦК. и МК. партии б—ков в 1905 г. Делегат от М. К. в Московском Сов. Раб. Деп.

6 декабря Московский совет и партии большевиков, меньшевиков и эс-эров опубликовали воззвание ко всем рабочим, солдатам и гражданам. В воззвании говорилось:

„Революционный пролетариат не может дольше терпеть издевательства царского правительства и объявляет ему *решительную и беспощадную войну*".

Со среды 7 декабря рабочие призывались „*бросить и остановить работу на всех фабриках и заводах, во всех городских и правительственных предприятиях*".

В обращении к *солдатам* говорилось:

„отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте из своей среды надежных руководителей и *с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу*. Вместе с рабочим классом добивайтесь распущения постоянной армии и всенародного вооружения, добивайтесь отмены военных судов и военного положения! Да здравствует союз революционного пролетариата с революционной армией!"

Обращаясь ко всем гражданам, воззвание призывало:

„и вы, граждане, искренно жаждущие широкой свободы, *помогите восставшим рабочим и солдатам*, чем только можете — и личным участием и общими средствами. Пролетариат и армия борются за свободу и счастье всей России и всего народа".

Основные лозунги воззвания: долой преступное царское правительство! Да, здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание! Да, здравствует *всеобщее Учредительное собрание!* Да здравствует *демократическая республика!*

К восстанию немедленно присоединился Всероссийский железнодорожный союз. Конференция делегатов 29 железных дорог, совместно с центральным бюро союза, в своем воззвании говорила:

„Мы берем на себя возвращение войск из Манчжурии и доставим эти войска в Россию гораздо скорее, чем это сделало бы правительство... Пассажиров, захваченных забастовкой в пути, мы доставим до ближайшего города в направлении их следования. Кроме того, мы примем все меры для перевозки продовольственного хлеба голодающим крестьянам и провизии для товарищей на линии... Мы не одни, городской пролетариат, трудовое крестьянство и сознательная часть армии и флота уже восстали за народную свободу, за землю, за волю!"

Какую позицию занял петербургский пролетариат после начала решающей борьбы в Москве? 8 декабря Петербургский совет опубликовал воззвание, в котором говорилось:

„Граждане! Свобода или рабство! Россия, управляемая народом, или Россия, расхищаемая шайкой грабителей! Так стоит вопрос. Поднимайтесь все, рабочие, крестьяне, интеллигенция! Поднимайтесь, борцы за народную свободу и народное счастье! Присоединяйтесь к нам! *Остановим производство, остановим торговую жизнь, остановим сообщение по всей стране и соеди-*

ненными усилиями уничтожим остатки самодержавия!“

Таким образом, Петербургский совет к вооруженному восстанию народные массы *не* призвал. Он ограничился призывом к всеобщей стачке,—*третий* раз в течение двух месяцев к всеобщей стачке!

Это было топтанием на месте. Это было повторением октября и ноября. Но повторяться в революции нельзя. Здесь можно либо итти вперед, либо враг заставит отойти назад.

Руководимая большевиками Москва пошла вперед. Она поднялась на более высокую, на решающую ступень революционной борьбы. От стачки она перешла к восстанию.

Находившийся под сильным влиянием меньшевизма, к тому же растративший в двух предыдущих битвах огромные силы, Петербург отстал.

Москву поддержал Ростов на Дону, поднявший восстание. На его зов откликнулись некоторые другие районы. Но революционный гигант—Петербург—не смог с оружием в руках поддержать восставшую Москву, он не смог помешать царской шайке послать поддержку московским палачам революции. „Соединения усилий“ революционного народа не получилось. Это решило судьбу восстания.

* * *

Итак, Москва, рабочая Москва одна восстала против чудовища царизма. Как это началось? Послушаем бывшего руководителя пресненской борьбы, т. *Литвина-Седого:*

„...Из недр фабрик, заводов, железных дорог несся страшный рокот, клокотавший тысячью голосами на тысячу ладов: «Да, здравствует вооруженное восстание!» И *ни партия, ни рабочий совет не могли охватить, и успеть организовать растущий протест рабочих*, со всеми вытекающими последствиями... Всякий рабочий стремился приобрести револьвер или кинжал. *На фабриках готовили кинжалы, пики, кистени, чинили старые винтовки.* Все предвещало бурю“... (См. сборник „Красная Пресня“, Москва 1920 г. Издание Краснопресненского комитета РКП (б), стр. 4).

Другой руководитель пресненского восстания, начальник боевой дружины завода Шмита, т. Николаев, дает такую картину начала восстания:

„Кто снимает ворота, кто тащит разную рухлядь: ящики, бревна, вывески. Все это складывается, засыпается снегом, поливается водой, чтобы крепче было. Это строится баррикада между Кудринской площадью и Триумфально-Садовой. *В постройках баррикад*

Седой (Литвинов)
член МК. организатор всех боевых сил Красно-Пресненского района.

принимает участие, частью косвенно, частью непосредственно, почти все рабочее население, с той лишь разницей от дружинников, что как только покажется какой-нибудь раз'езд казаков, жандармерии или пехота, а таковая тоже была, то на баррикадах остаются только дружинники: остальные же—в подворотни. *Совершенно незаметно забастовка перешла в вооруженное восстание*“... (См. „Красная Пресня“, стр. 17).

С какими силами выступили восставшие против царизма?

Товарищ Николаев в цитированной выше статье говорит:

„Строго определенного, детально выработанного организационного плана восстания

даже у нас, передовых рабочих, тогда не было. На каждой фабрике, правда, были боевые дружины, но они были самостоятельны и почти самостоятельно возникали. В таком важном, например, районе, как Пресня, отдельно существовали, друг друга почти не зная, прохоровская, шмитовская дружины, и лишь к концу восстания и началу разгрома у нас, шмитовцев, завязалась организационная связь с прохоровскими, во главе которых стоял всеми любимый тогда т. Седой. Таким образом, мы были предоставлены своей инициативе. Связь с центром была слишком слаба, и указаний оттуда мы почти не получали. *Фабрики замолчали и наша дружина стала снимать посты городовых*".

Это значит — забастовка *стихийно переросла* в восстание. Фабрики замолчали, пролетариат отказался работать на почве царистского режима, и боевая дружина „стала снимать посты городовых", пролетариат восстал против самодержавного правительства. Организационная сторона восстания была крайне слаба, несмотря на то, что возглавляли его большевики, решительные сторонники восстания, понимавшие всю необходимость его *организации*.

М. Николаев
рабочий слесарь, начальник боевой дружины рабочих ф-ки Шмидта Красно-Пресненского района.

Не было оружия. Согласно данных т. Седого, „оружия после целого ряда конфискаций, реквизиций и взятого в бою у повстанцев было не более 250 шт., в том числе и бульдоги". Тем не менее, в течение двух недель Москва находилась на положении гражданской войны, над ней развевалось знамя революционного восстания потому, что лагерь царизма находился в состоянии развала и разложения, армия колебалась, социальные основы самодержавия были расшатаны.

Ничтожная по количеству и качеству вооруженная сила революции опиралась на поднявшиеся к жизни и борьбе миллионные массы, ее питал острый политический кризис царизма. Но несмотря на острейший кризис, самодержавие добровольно не хотело сойти с исторической сцены, — его нужно было *свалить*, его необходимо было вооруженной рукой *столкнуть* в пропасть, у края которой оно стояло. Вооруженных сил при создавшейся тогда социально - политической обстановке нужно было сравнительно немного. Но известный минимум *организованных, обученных боевых сил* был необходим, чтобы перейти в *наступление*, чтобы воспользоваться существующим в стане врага развалом, чтобы привести его в еще большее замешательство, в процессе борьбы сплачивая и закаляя свои силы и перетягивая на свою сторону колеблющихся.

Но наступления быть не могло, когда среди восставших не было *ни одного артиллериста, ни одного пулеметчика*. А без наступления не могло быть победы.

Партия в целом не была подготовлена к восстанию. Она не смогла охватить, возглавить народную стихию. Большевизму решительно и навсегда нужно было разорвать с меньшевизмом, чтобы оказаться способным стать во главе решительной и решающей борьбы с врагами народа. В 1905 г. мы были еще в одной с меньшевиками партии.

Семь лет спустя большевизм навсегда раскололся с меньшевистскими агентами буржуазии. Это дало нашей партии возможность в 1917 году стать во главе беззаветной вооруженной борьбы и — победить.

* * *

В Москве происходила „революция *раз'единяющая*, революция *анархическая* и классовая...“ „Действия революционеров в Москве *безумны*“... Московское восстание это—„*кровавая фантасмагория*“... „Нельзя достаточно строго осудить *бессмысленность московского восстания*“...

Так писал в последующие после восстания недели вождь русского либерализма *Струве*.

В Москве происходила „*игра, которая называется вооруженным восстанием*“... „Революционеры переоценили свои силы. Они не имели гарантии победы“... „*А потому не нужно было и браться за оружие*“.

Так писал сейчас же после московского восстания вождь меньшевизма *Плеханов*. Впоследствии весь меньшевизм превратился в ликвидаторство и с ужасом вспоминал о „безумном“ 1905 годе, прежде всего о „безумнейшем“ московском восстании...

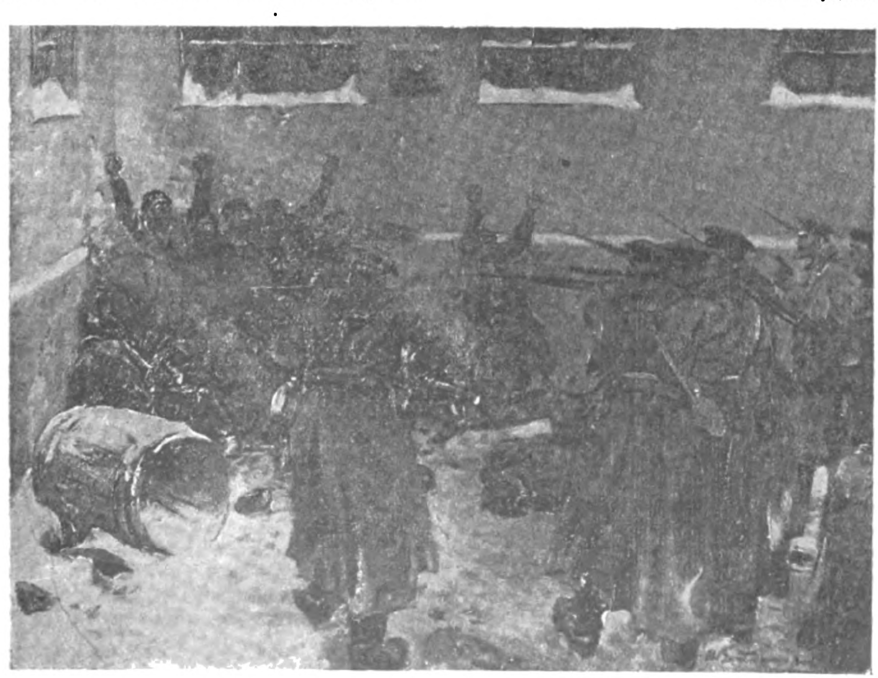
Каков итог московского восстания с точки зрения марксиста, пролетарского революционера? В декабре 1920 года *Ленин* писал рабочим Красной Пресни:

„*Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок.* В трудящиеся массы города и деревни подвиг московских рабочих внес глубокое брожение, следы которого уже не замирали, вопреки всяческим преследованиям.

До вооруженного восстания в декабре 1905 г. народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году и которые теперь — через все неимоверные трудности, побеждая муки голода и разрухи, созданной империалистской войной, — отстаивают дело всемирной победы социализма“.

Эту замечательную оценку московского восстания не поколеблет никто в мире. Она войдет в историю, как памятник героям славной декабрьской борьбы.

Ил. Вардин.

ДЕКАБРИСТЫ

14 декабря 1925 года исполняется сто лет с того дня, как прогремели пушки на Сенатской площади, отбивая первый приступ революции на твердыню самодержавия. За этим приступом последовали другие. Их было много, но все они были осуждены на неудачу, пока на арену революционной борьбы не выступил пролетариат и движение не приняло массового характера. На смену *мученикам* пришли *борцы*. Через горы трупов они неуклонно двигались к победе.

Движение декабристов бесконечно далеко от октября 1917 года. Почти все декабристы были дворянами, почти все они боялись народной революции и никто из них не выставил лозунга: „вся земля народу". Несмотря на это, победивший пролетариат нашего Союза считает нужным отметить столетний юбилей декабрьского движения, признавая тем самым его значение и преемственную связь с последующим массовым революционным движением. Ибо как не скромны были мечты декабристов сравнительно с достижениями октября, но если хоть на минуту заглянуть в ту обстановку, в которой жили и действовали декабристы, можно убедиться насколько эти люди опередили свое время.

А время было страшное и жестокое. Вся Россия александровской эпохи представляла собой безмолвную невежественную массу, над которой возвышалась кучка привилегированного дворянства с монархом во главе. Народ составляли почти сплошь крестьяне. Из них подавляющее большинство находилось в крепостной зависимости от помещиков. В это время помещики уже повылезали из своих медвежьих углов, стали торговать хлебом с заграницей и жить широко и роскошно. А для такой жизни нужны были деньги. Получить же их можно было только путем непомерной эксплуатации крестьянского труда. Работая по пяти-шести дней на барской запашке, крестьяне запускали свои хозяйства, которые приходили в полный упадок. К экономическому гнету присоединялся безудержный произвол помещичьей власти. Доведенные до крайности, крестьяне вооружались дрекольями и вилами и шли против царских штыков, всегда услужливо предоставляемых правительством для подавления крестьянских бунтов.

Еще страшнее была жизнь тех же крестьян, забритых в солдаты. Солдатчина продолжалась 25 лет. С туго скрещенными на груди ремнями, в тяжелых ранцах и киверах, солдаты часами простаивали на ученьи. Все же свободные от ученья часы они должны были заниматься чисткой и починкой своей амуниции. И все это для того, чтобы утолить безумную страсть русских самодержцев к „фрунту" и выправке. За малейшую неисправность в одежде, за самую ничтожную провинность солдат колотили нещадно. „Я отечеству защита, а спина всегда избита",—пели солдаты. За более серьезные проступки их прогоняли сквозь строй и забивали шпицрутенами на смерть.

Только одни дворяне были вполне независимыми. Но и они уже обнаруживали недовольство системой крепостного хозяйства. В начале XIX века английские лорды окончательно согнали со своих земель мелких арендаторов и обратили пашни в пастбища для овец. В связи с этим за границей резко повысился спрос на русский хлеб. Но крепостное хозяйство не могло приспособиться к потребностям рынка. Пока существовал даровой крепостной труд, помещикам невыгодно было вводить усовершенствованные способы обработки земли. Значит, приходилось повышать интенсивность крестьянского труда. Но никакими арапниками нельзя было выколотить „лень" из подневольных крестьян. Тогда помещики стали задумываться, не выгоднее ли для них свободный труд и так ли уже в самом деле они заинтересованы в сохранении крепостного права. Вместе с тем для торгового дворянства стеснителен стал и самодержавный произвол, с которым оно раньше легко мирилось. Вот почему мысль об освобождении крестьян и об упразднении самодержавия могла зародиться в дворянской среде.

Большое влияние на распространение новых идей имело и непосредственное соприкосновение с Западом.

После заграничных походов против Наполеона военная молодежь вернулась в Россию

зараженная вольным духом. То, что казалось прежде простым и естественным, теперь представилось в новом свете. Встал вопрос об устранении всех несправедливостей и жестокостей русской жизни, перестройке ее заново. Брожение, охватившее молодежь, на первых порах проявлялось довольно открыто. Образовались кружки и общества, где обсуждались громогласно вопросы о преобразовании России. Балы и пирушки сменились чтением серьезных книг, занятиями с товарищами, офицерами и солдатами. Почти такой же открытый и скорее нравственный, чем политический характер носили и первые тайные общества: Союз Спасения и сменивший его Союз Благоденствия. Сеять вокруг себя высокие мысли, заражать своим нравственным примером всех окружающих, словом смелого осуждения бороться с неправдой русской жизни—таковы были их задачи. Правда, главари этих обществ задавались уже и тогда чисто политическими целями, но они скрывали свои намерения от рядовых членов. Несмотря на это, слухи о заговоре дошли до государя. Чтобы отвлечь подозрения и избавиться от ненадежных товарищей, решено было для вида закрыть Союз. Это произошло в 1821 г., при чем немедленно образовались два новых общества — Северное и Южное. Позднее самостоятельно возникло третье общество — Соединенных Славян.

Самое умеренное из всех было Северное общество. Многие его члены занимали высшие командные должности в гвардии, носили густые эполеты и владели богатыми поместьями. Этому классовому составу соответствовали и взгляды Общества. Главным их выразителем был Никита Муравьев, составивший проект конституции для будущей России. Наиболее характерным в его проекте является устанавливаемый ею избирательный ценз. Этот ценз уясняет нам самую суть конституции Н. Муравьева, которая имела в виду сосредоточение политической власти в руках дворян и нарождающегося торгового капитала. Остальное население — все крепостные крестьяне и все казенные крестьяне, кроме кулаков, не удостаивались звания „граждан". Во взглядах Н. Муравьева на крестьянский вопрос столь же ярко отразились классовые интересы торгового дворянства. В первом проекте своей конституции Муравьев писал: „Земли помещиков остаются за ними", во втором — он предлагал освободить крестьян с усадебной землей, в третьем — дать им по две десятины на двор. Сперва — безземельное освобождение, потом, после замечений и упреков товарищей — освобождение с нищенским наделом.

Взгляды Н. Муравьева царили в Северном Обществе. Но на-ряду с этим, в нем существовало и другое, республикантское течение, представленное Рылеевым. Этот поэт-мечтатель, пламенный фанатик свободы, пел ей вдохновенные гимны, которые зажигали сердца целого поколения. Но он звал не к победе, а лишь к самопожертвованию, к мученичеству.

„Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Я жребий свой благословляю"...

Эти настроения, характерные для большинства членов Северного Общества, сыграли роковую роль в момент восстания 14 декабря. Они же отразились на всей тактике Северного Общества. Вместо того, чтобы вести подготовительную работу в войсках, декабристы занимались бесконечными обсуждениями планов будущего политического устройства России. Спорили до хрипоты, быть ли России республикой или монархией, а точного плана действий выработать не успели. И события захватили их в расплох.

Более радикальными взглядами и более революционными настроениями отличалось Южное Общество, действовавшее в районе Киевской, Подольской и Волынской губерний. Об'яснялось это не иным классовым составом Общества, так как и здесь имелось немало богатых и родовитых дворян. Но в южных полках было много опальных солдат и офицеров Семеновского полка, разосланных по России после бунта 1820 года. Их настроения влияли на товарищей. Кроме того, во главе Южного Общества стояла такая исключительная личность, как Пестель. Пестель стоял головой выше своих товарищей по уму и образованности. Необыкновенная ясность мысли и сила внутренней убежденности подчиняли ему окружающих. Все члены Южного Общества оказались, благодаря этому, республиканцами и восприняли революционную тактику, подсказанную им Пестелем. В результате получилось резкое расхождение между планами Северного и Южного Обществ. Тогда как первые думали посте-

пенно подготовить страну к перевороту путем культурной работы, вторые видели спасение России в немедленном перевороте. Первые хотели передать решение вопроса о преобразовании России самому народу (Учредительному собранию), вторые хотели произвести это преобразование революционным путем (диктатурой). Далее, члены Северного Общества думали вынудить уступки у самодержавия военной манифестацией, республиканцы собирались сбросить царскую власть вооруженной рукой.

Единственный вопрос, в котором Пестель стоял одиноко, был вопрос о наделении крестьян землей. При разрешении его Пестель шагнул далеко за пределы обще-декабристской идеологии. Он выдвинул проект национализации земли. После переворота вся земля образует государственный фонд; половина ее поступает в распоряжение волостей для раздела в безвозмездное пользование между крестьянами, вторая половина сдается крупными участками в аренду или даже продается в частные руки. Программа Пестеля шла, таким образом, навстречу интересам трудового крестьянства, с одной стороны, капиталистического земледелия—с другой, и меньше всего отражала интересы дворянства. Неудивительно, что в этом вопросе Пестель не имел сторонников.

Будучи более революционным, Южное Общество было не менее аристократичным, чем Северное. Члены его, занимая в большинстве своем командные должности, не снисходили до посвящения солдат в свои планы. Думали, что, когда придет время, поведут их за собой, куда захотят. Лучшие представители Южного Общества, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, заплатившие жизнью за свои убеждения, смотрели на народ, как на слепое орудие для совершения революционного переворота. „Простой народ добр, — говорил Муравьев-Апостол, — он никогда не рассуждает и потому он должен быть орудием для достижения цели“. При этом, под народом подразумевались только солдаты, только военная сила, ибо „наша революция произведется одной армией без участия народа“.

Лишь один язык считал Муравьев-Апостол доступным для народа — язык религии. Поэтому он и сочинил для солдат свой „православный катехизис“, в котором, в форме вопросов и ответов, доказывал необходимость революции ссылками на св. писание.

Совсем иной дух царил в третьем из тайных обществ — Обществе Соединенных Славян. Все члены его были бедные армейские офицеры, без чинов и без гроша за душой. Большинство из них не имело ни поместий, ни крепостных людей. Соединенные Славяне были истинными демократами. Они питали доверие и уважение к народу, держались с солдатами на товарищескую ногу, вели среди них агитацию, посвящали их в свои планы. Простой человеческий язык, язык здравого смысла они считали вполне доступным русскому солдату. К тому же Славяне были единственными из декабристов, которые сами не верили в бога и, больше того, считали, что „вера противна свободе“.

Экзальтированность и восторженность, свойственная всем декабристам, царили и в Обществе Соединенных Славян. Но на ряду с этим Славянский Союз носил еще какой-то особый отпечаток воинственности. „Ни на кого не надейся, кроме твоих друзей и твоего оружия“. „Свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью“. „Обнажившим меч против тирана, должно отбросить ножны сколь возможно далее“ — таковы были девизы Славян. И такова же была их клятва:

„Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе я братскому Союзу благородных Славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть сие оружие обратится острием в сердце мое“.

Вместе с тем Славяне обладали известной выдержкой, обдуманностью в действиях. Они стремились не только „погибнуть за край родной“, но и одержать победу.

Во главе Союза стояли Горбачевский и Борисов. Когда Муравьев-Апостол узнал о существовании тайного общества, члены которого уже два года вели агитацию среди офицеров и солдат Черниговского полка, одним из батальонов которого он командовал, он немедленно предложил им об'единиться. Но слияние маленького и демократического Союза с влиятельным и аристократическим Южным Обществом означало полное подчинение и потерю самостоятельности Славянами. Горбачевский и Борисов горячо противились об'единению. Однако, пламенные речи Муравьева и Бестужева, и уверения, что Южное Общество уже готово к восстанию, увлекли Славян. Какая-то горячка охватила их. Они „обнимали друг друга с горящими на глазах

слезами — и „собрание их походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом“...

Южное Общество собиралось начать восстание во время высочайшего смотра войск, в 1826 году. Северное вовсе не назначало сроков и не строило конкретных планов переворота. Поэтому смерть Александра I и временное междуцарствие, за ним последовавшее, захватили декабристов врасплох. Константин отказался от престола, но Александр скрыл его отречение, боясь назначить наследником Николая, уже тогда возбуждавшего всеобщую ненависть. Пока Константин и Николай слали гонцов из Варшавы в Петербург и обратно с лицемерными полуотречениями от трона, Россия оставалась без царя. Надо было воспользоваться моментом. И члены Северного Общества решились на выступление без всякой надежды на успех.

В день 14 декабря на Сенатской площади в Петербурге столкнулись две силы. Ни одна из них не имела явного перевеса над другой. Но шансы их были неравны. Николай шел добывать себе царскую корону со словами: „Послезавтра поутру я — или государь, или без дыхания!“ а декабристы, в восторженном жертвенном настроении, восклицали: „Мы погибаем, но пример останется!“ Один шел победить или умереть, другие шли просто „умирать, но умирать со славой“.

Далекие от народа, декабристы не имели с ним общего языка. Народная революция рисовалась им рядом кровавых ужасов. Та революция, которую они хотели произвести, скорее походила на дворцовый переворот. Но знатное дворянство сплотилось вокруг пошатнувшегося престола и поддержала его. Народ же, или „чернь“, как презрительно выражался Николай, готов был поддержать революцию, но его поддержки не захотели сами заговорщики. Это внутреннее противоречие держало их в каком-то параличе. Когда победа прямо давалась им в руки, они смущенно отступали, толклись на месте, вместо того, чтобы итти на приступ. В результате, имея возможность победить, они только „принесли себя в жертву для будущей свободы отечества“.

На 14 декабря была назначена присяга Николаю. Заговорщики должны были утром взбунтовать свои части, убеждая их не приносить новой присяги, так как Константин и не думал отрекаться от престола. После этого они должны были повести мятежные части в другие полки, чтобы и их увлечь за собой на Сенатскую площадь, где должна была происходить присяга. Далее предполагалось окружить Сенат и потребовать от него издания манифеста об уничтожении самодержавия и об учреждении Временного правления, на которое возложить обязанность созыва Учредительного собрания. Руководителем восстания был избран князь Трубецкой. Этот выбор в значительной мере определил неудачный исход восстания.

Осуществить намеченный план заговорщикам не удалось: Николай предупредительно перенес присягу Сената в Зимний дворец, диктатор Трубецкой вовсе не явился на площадь, а офицеры, которым удалось взбунтовать свои части, привели их прямо на площадь, не заходя в другие полки. Несмотря на это, дело нельзя было считать проигранным. Мятежное карре, состоявшее из 1.000 человек, держалось стойко, несмотря ни на какие увещания. Растерянность правительства была так велика, настроение войск, выставленных против мятежников, настолько сочувственно к ним, что сумей декабристы воспользоваться всеми этими обстоятельствами, день 14 декабря закончился бы совершенно иначе. Но они ведь шли не побеждать, а умирать. И это решило дело.

Когда выяснилось, что Трубецкой не явился, Рылеев бросился искать его по городу, вместо того чтобы назначить нового диктатора. Народ на площади выражал явное сочувствие восставшим и готов был „умереть вместе с ними“, но они этого не хотели. Безмолвные и плохо защищенные пушки несколько часов стояли против карре мятежников и они не отбили их. Некоторые взбунтовавшиеся части прошли свободно через Петропавловскую крепость и через двор Зимнего дворца, и не заняли их. Все эти ошибки были совершены декабристами благодаря тому, что они шли не столько на вооруженное восстание, сколько на военную манифестацию. У них не было воли к победе и они пропустили ее между рук.

Солдаты мятежного карре уже много часов стояли на площади. Они не понимали бездействия своих начальников. Тем временем стемнело, мороз крепчал. Солдаты промерзли и проголодались. Обе стороны стояли в нерешительности. Наконец, Николай дал при-

каз к конной атаке, считая нужным положить сему скорее конец, ибо иначе бунт мог сообщиться черни. Первые две атаки были отбиты не столько мятежниками, как этой самой „чернью“, которая с крыши бомбардировала конную гвардию камнями. Тогда заговорили пушки. Первый залп ударил по крыше Сената и скосил тех, кто незваными приняли участие в восстании. Второй попал в середину карре. Началось смятение, крики, беспорядочное бегство. На Неве проломился лед и солдаты стали тонуть. Скоро все было кончено. Всю ночь засовывали трупы под лед. Никто из заговорщиков не был убит на площади, но все они были арестованы в ближайшие дни.

Две недели спустя произошло восстание в южной армии. Оно носило совершенно иной характер. Здесь ружья служили не только для декорации, как на Сенатской площади, и не вина восставших, что им пришлось сдаться, не сделав ни одного выстрела.

Восстание произошло в Черниговском полку, одним из батальонов которого командовал С. Муравьев-Апостол и в котором вели агитацию Соединенные Славяне. Первым актом, начавшим восстание, было избиение четырмя офицерами-Славянами ненавистного им полкового командира Гебеля, арестовавшего по приказу из Петербурга братьев Муравьевых-Апостолов, и освобождение последних из-под ареста. После этого немедленно решено было выступить в поход. Муравьев отлично понимал, что с такой маленькой горстью людей нельзя победить, но отступать было поздно. После неудачи 14 декабря это было последним шансом спасти дело. К тому же выбора не было. Все нити заговора были уже в руках правительства, а „казематы—теже безмолвные могилы“. При этом у Муравьева была надежда, что среди всеобщей трусости и измен, осталась одна верная делу артиллерийская бригада, на соединение с которой он и устремился.

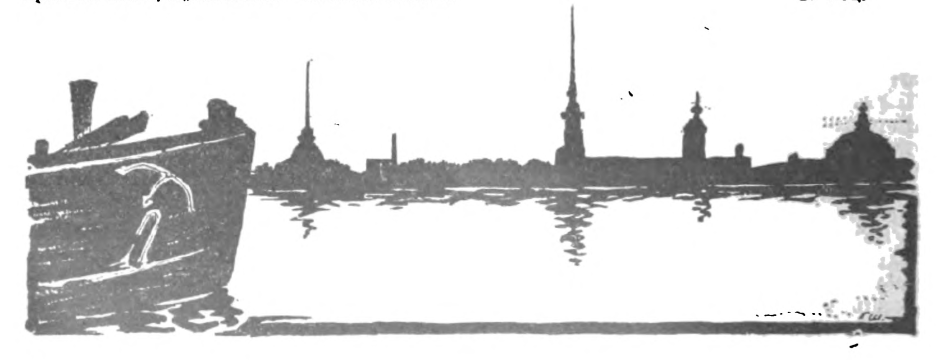
30 декабря мятежники захватили маленький город Васильков, а на утро Муравьев вывел солдат на площадь и, убежденный в том, что „вера укажет людям путь к вольности“, почти силой заставил одного молодого священника прочесть солдатам вслух его „Катехизис“ и несколько молитв. Сам же об'яснил солдатам цель восстания и предложил слабым уйти. Но его заглушили громкими восклицаниями и никто не ушел.

31 вечером мятежники, которых было около 1.000 человек, выступили в поход на соединение с артиллерийской бригадой. Но вскоре они узнали, что бригада направилась в противоположную сторону. Заговорщики пали духом. Многие офицеры бежали.

Несмотря на полную безнадежность, колонны продолжали двигаться к Белой Церкви. Против этой горсти безумцев героев были посланы целые полчища войск. С передовым отрядом этих войск повстанцы столкнулись в пути, в самых неблагоприятных для них условиях. Град пуль осыпал их. Но колонна не останавливалась. Чтобы прекратить неравный бой, Муравьев-Апостол взмахнул белым платком. В тот же момент он упал, пораженный картечью в голову.

Муравьев-Апостол был повешен вместе с Пестелем, Рылеевым, Каховским и Бестужевым. „Страшно далеки они от народа, — говорит о декабристах Ленин. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию“.

Е. Коц.

Политика Советской власти в деревне

Основными классами в Советской России являются пролетариат и крестьянство. Согласовать интересы этих двух классов, укреплять их союз — таковы предпосылки всех мероприятий Советской власти в деревне. Это очень трудная задача, но во всяком случае политически и экономически разрешимая.

Но союз рабочих и крестьян можно понимать по разному: Меньшевики говорят так: „крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата“ . . . „Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть“ [1].

Формы этого союза, формы руководства пролетариата меняются в зависимости от того, как меняются очередные задачи, выдвигающиеся перед нашей рабоче-крестьянской страной. Первым этапом у нас был военный союз. Крестьяне, под руководством рабочего класса, шли против помещиков и капиталистов в гражданской войне. Но „военный союз не может существовать без экономического союза“... „Основа этого экономического союза между нами и крестьянством была очень простой, даже грубой. Крестьянин получил от нас землю и поддержку против крупного землевладения. Мы должны за это получить продовольствие“ [2].

Как только гражданская война закончилась, рабочий класс перешел к новой форме экономического союза, заменив разверстку продналогом и частично допустив свободу торговли.

Новая экономическая политика рабочих и крестьян создала в то же время благоприятные условия для развития производительных сил страны. В результате мы имеем быстрый рост как промышленности, так и сельского хозяйства.

[1] Из речи В. И. Ленина о тактике РКП (б) на III конгрессе Коминтерна.

[2] Оттуда же.

Но на-ряду с этим новая экономическая политика вызвала и новые трудности. Восстановив рыночный оборот, она создала тем самым возможность и для некоторого развития капиталистических элементов. Отсюда необходимость мерами экономического воздействия направлять, регулировать рыночные отношения таким образом, чтобы развитие производительных сил шло по пути к социализму, а не к капитализму. Эта трудная задача еще больше затрудняется наличием преобладающего большинства крестьянского населения в СССР.

Борьба за крестьянство происходила и раньше между буржуазией и пролетариатом, ибо крестьянство в силу характера своего производства самостоятельно выступать не может, оно всегда идет или за буржуазией, или за пролетариатом.

Эта борьба за крестьянство идет и сейчас в своеобразной скрытой форме, в виде борьбы за экономическую смычку с крестьянским хозяйством.

У кого крестьянин будет покупать: у частного капитала, или у госпромышленности? Частный ли капитал овладеет рынком, или госпромышленность и кооперация, — вот где решается судьба смычки и диктатуры пролетариата.

В этой борьбе частный капитал использовывает все наши недостатки, а они есть, и некоторое время еще неизбежны. Прежде всего, наша промышленность недостаточно еще восстановлена, ее рост отстает от роста спроса со стороны крестьянского рынка, она не может удовлетворять всех потребностей крестьянского хозяйства. Недостаточно гибок и наш торговый аппарат, он не проник еще во все углы деревни. Цены на товары все еще высоки.

Частный капитал, пользуясь товарным голодом и недостатками нашего торгового аппарата, набавляет к оптовым ценам госпромышленности и доставляет крестьянству товары значительно дороже, чем они продаются в городах. Это создает недовольство крестьян.

Поэтому перед Советской властью в области торговли с деревней встает необходимость скорейшего развития промышленности, укрепления и удешевления торгового аппарата

в деревне и, наконец, снижения цен на промышленные товары.

На первый взгляд, в области снижения цен как будто бы скрывается противоречие интересов рабочих и крестьян. В интересах ли рабочих снижать цены на промышленные товары, — ведь это задерживает повышение заработной платы самих рабочих? Вдумавшись, мы увидим, что общие интересы пролетариата не могут быть подчинены его частным интересам, интересам сегодняшнего дня. Восстановление промышленности, укрепление рабочей власти — вот чему должно быть подчинено все второстепенное.

Главным образом, на основе развития сельского хозяйства может восстанавливаться промышленность, а по дорогим ценам крестьянство не сможет покупать, не сможет восстанавливать свое хозяйство, его покупательная способность не будет расти, от этого пострадает и рабочий класс, ибо промышленность при таких условиях развиваться не сможет.

Политика высоких цен была бы близорукой политикой и рабочий класс, естественно, ее не проводит, а, наоборот, по мере возможности снижает цены на промышленные товары.

В 1923—24 годы, например, были снижены цены: для сахара на 16,3%, для ситца на 26,1%, для сукна гражданского на 29,1%, на полотно на 4,1%, для керосина—23,3%, для соли—27,9% на спички—30,8% и т. д. Снижение оптовых цен продолжалось и в 1925 году.

Но регулирование цен не может ограничиться только одними промышленными товарами: оно должно происходить и в отношении сельско-хозяйственных товаров. Крестьянство очень сильно страдает от несоответственно низких цен на хлеб. С другой стороны, чересчур высокие цены на хлеб бьют по промышленности и по заработной плате рабочих, вызывая необходимость повышения цен на промышленные товары; бьют, таким образом, и по крестьянскому хозяйству.

Отсюда ясно, что политика Советской власти должна быть направлена на такое регулирование цен как промышленных, так и сельско-хозяйственных товаров, которое было бы в интересах и рабочих и крестьян, и обеспечивало бы быстрый рост как промышленности, так и сельского хозяйства.

Рост производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в промышленности — единственный путь к социализму. Крестьянское хозяйство не может обойтись без промышленных товаров, его переход на высшую ступень техники может происходить лишь на основе роста промышленности. И наоборот: чем более поднимется деревня, тем больше промышленность будет находить сбыт своим товарам, тем быстрее будет расти. Отсюда прямая заинтересованность рабочего класса в помощи сельскому хозяйству.

В истекающем году перед пролетариатом по новому встал вопрос о развязывании производительных сил деревни. В деревне до последнего времени сохранились пережитки старой экономической политики, остатки эпохи военного коммунизма: эта—неупорядочность с сельско-хозяйств. налогом, административное запрещение применения наемных рабочих в сельском хозяйстве, невозможность брать в аренду землю и слабое развитие кооперативной самодеятельности — все это тормозило дальнейший рост сельского хозяйства.

Эти вопросы в основном были разрешены на XIV партийной конференции и на III Всесоюзном С'езде Советов.

Советская власть приняла целый ряд важнейших решений, облегчающих платежи крестьянства.

Прежде всего, благодаря улучшению общего финансового положения, появилась возможность снизить сельхозналог на 110 миллионов. Это снижение сразу увеличивает возможность роста сельского хозяйства.

Если мы сравним налоговое бремя с довоенным, то в довоенное время, беря общую сумму прямых и косвенных налогов, приходилось на душу крестьянского населения в среднем 10 р. 37 к.

После революции только 1920—21 год приближался к этой сумме, составляя — 10 р. 30 к. В следующий 1921 — 22 год — 6 р. 11 к. в 1922—23 г.—3 р. 06 к., в 1923—24 г.— 3 р 96 к.; в нынешнем 1925—26 хозяйственном году ожидается снижение налога приблизительно до 2 р. 60 к.

Таким образом, снижая из года в год налог, мы в этом году имеем лишь одну четверть довоенной суммы, падающей на душу населения. Если же сделать поправку на покупательную силу червонца в сравнении с довоенными деньгами, то мы получим еще меньшую сумму налога, доходящую до 1 р. 70 к. на душу, или одну седьмую налогового бремени.

Но изменения в области налоговой политики в деревне не ограничились только снижением сельхозналога. Из общей суммы налогов 100 миллионов рублей постановлено отчислить в пользу волостного бюджета. Это имеет колоссальное значение для крестьянского хозяйства, ибо дает возможность укрепить волость, как в политическом, так и хозяйственном отношении.

Изменилась также и система взимания налога. Раньше для определения суммы налога брали урожай данного года (средний по губернии) и высчитывались средние цены на продукцию этого урожая; так определялся доход, в соответствии с которым определялся и размер налога. Вследствие того, что урожай брался данного года, правительство никак не могло пред'явить окладного листа населению ранее, чем этот урожай определится. В результате, налогоплательщик получал окладной лист к тому времени, когда ему уже приходилось продавать свой хлеб для уплаты налога. Крестьянин никак не мог согласовать план своего собственного хозяйства с тяжестью налога.

В этом году учитывается средний урожай за предшествующие 3 года, а цены берутся средние за предшествующие два года. Поэтому теперь мы смогли об'явить ставки налога весною, тогда как в предыдущие годы раньше октября они не об'являлись. Это изменяет расчеты крестьянина в лучшую сторону.

В новом законе о сельхозналоге снижены ставки и со скота и сенокоса. Снижен и упорядочен также налог на промысла. Постановлено установленные сроки взимания налога не изменять, чтобы не принуждать крестьянина спешно и убыточно реализовать продукты своего труда.

Еще раз подчеркнута необходимость при разложении тяжести налога строже учитывать доходность крестьянского хозяйства и достигнуть справедливого распределения тягот налога, в полной мере при этом обеспечивая интересы бедноты и середняков.

Вот, в основном, какие изменения внесены в закон о сельско-хозяйственном налоге. Но Советская власть этим не ограничивается и приняла решение изменить налоговую систему в деревне в направлении, еще более благоприятствующем развитию сельского хозяйства.

Из других мероприятий по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства большое значение для крестьян имеют постановления по проведению землеустройства. Прежде всего, признано необходимым как можно скорее закончить землеустроительные работы. С этой целью увеличен и удешевлен кредит специально для нужд землеустройства; оплату этих работ для бедняцкой части крестьянства государство взяло на себя и ассигновало для этого в этом году 3 миллиона рублей.

В малоземельных губерниях решено передать часть земли государственного фонда крестьянам.

Признано необходимым закончить в этом году передачу лесов местного значения крестьянам.

Что касается вопросов землепользования, то здесь Советская власть попрежнему проводит политику поощрения таких форм, которые наиболее благоприятны для механизации и кооперирования сельского хозяйства (поселки, выселки), в то же время соблюдая свободное право выбора форм землепользования и не принимая административных мер против выделения на отруба и хутора.

Крестьянские хозяйства далеко не однородны. У одних нет инвентаря и скота для обработки своей земли. И они принуждены бросаться и искать себе заработка на стороне. Другие крестьяне имеют достаточно и скота, и инвентаря, и достатков, но им не хватает рабочих рук.

С одной стороны, не использованная земля в деревне, а с другой стороны, в деревне имеются много свободных рук, не могущих пока найти себе работу и в городе — на фабриках и заводах.

Учитывая необходимость развязывания производительных сил в деревне, с одной стороны, и наличие только что описанного нами перенаселения деревни—с другой, III с'езд Советов признал устаревшими прежнее почти полное административное запрещение как аренды земли, так и применения наемной рабочей силы в сельском хозяйстве. С'езд разрешил аренду земли, но ограничил ее— во-первых, сроком (при многопольи до двух севооборотов, при трехпольи—на срок не свыше 12 лет), во-вторых, запретил передачу прав аренды третьему лицу. При этих условиях спекуляция землей становится невозможной.

На-ряду с этим С'езд одобрил временные правила, изданные 18 апреля 1925 года об условиях найма и применения подсобного

наемного труда в крестьянских хозяйствах и распространяя эти правила и на арендованную землю.

Облегчение найма рабочих в деревне даст возможность до некоторой степени изжить безработицу в деревне, а с другой стороны— развязывает рост производительных сил в деревне.

В тех же целях скорейшего развития производительных сил С'езд постановил в пятилетний срок восстановить силами государства и кооперированного населения конский состав и развитие кожеводства. Признано необходимым обновление и пополнение инвентаря, путем расширения и улучшения соответствующего производства на государственных заводах, а также кустарной выделки, и введение в крестьянское хозяйство сложных машин, в частности тракторов.

Признано необходимым, на-ряду с максимальным расширением сельско-хозяйственного машиностроения в Союзе ССР, соответственный ввоз из-за границы недостающих сельско-хозяйственных машин и орудий.

Для повышения урожайности — С'езд решил принять меры к усиленному производству и улучшению семян, не ограничиваясь уже ассигнованными на это средствами (1.170.000 руб.).

Для повышения доходности крестьянского хозяйства, необходимо добиться обеспечения сбыта сельско-хозяйственных продукций на внешнем рынке. Этому содействуют незыблемое существование у нас монополии внешней торговли. Чтобы заинтересовать при этом крестьян в большем вывозе и расширении соответствующих отраслей сельского хозяйства, решено ставить дело так, чтобы все большую и большую долю выручки предоставлять крестьянам путем привлечения к делу экспорта и импорта сельско-хозяйственной кооперации.

Доходность крестьянского хозяйства будет выше, если он будет продавать переработанные уже продукты сельского хозяйства, а не сырье, безразлично на внешнем или внутреннем рынке. Для переработки сельскохозяйственных продуктов, необходимо содействовать восстановлению заводов сельскохозяйственной промышленности (маслодельных, картофельных, по обработке льна).

Таковы главные мероприятия партии и Советской власти в области укрепления крестьянского хозяйства.

Все они направлены к тому, чтобы развязать производительные силы в деревне, и па основе роста сельского хозяйства развивать государственную социалистическую промышленность.

В результате этой политики мы будем иметь и уже имеем экономический рост всех крестьянских хозяйств, но, одновременно с этим увеличивается в социальное расслоение деревни.

Считаясь с этим, государство должно проводить политику, направленную к укреплению социалистических начал нашего народного хозяйства и обеспечения в руках государства действительного контроля над всеми происходящими в деревне процессами.

С этой точки зрения, мы и должны подходить к постановлениям С'езда в кредитах и кооперации. Кооперация является в нашей мелкобуржуазной стране столбовой дорогой к социализму. Лишь путем кооперирования крестьянского населения и электрификации сельского хозяйства мы сможем мелкое крестьянское хозяйство превратить в социалистическое.

В наших условиях кооперация является основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством и мелким товаропроизводителем в деревне. Только через нее может государство регулировать и контролировать мелкое сельско-хозяйственное производство и товарный оборот в стране. Для наибольшего охвата всех хозяйственных процессов деревни со стороны кооперации постановлено предоставить право всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, участвовать в кооперации, но при этом предлагается не допускать в правление кооперации явно кулацких элементов. Партия должна всячески отстаивать интересы бедняков и середняков против кулаков в кооперации.

Признано необходимым укрепить кооперацию — предоставлением дешевого кредита, укреплением кооперативных банков, подбором хороших работников кооперации, привлекая, путем предоставления всевозможных льгот кооперации и кооперированному населению, все большие и большие массы в состав кооперации.

Сельско-хозяйственная кредитная кооперация должна особое внимание уделять непосредственному кооперированию населения путем организации кредита, сбыта, снабжения и переработки с.-х. продуктов. На-ряду с этим сельско-хозяйственная кредитная

кооперация должна оказывать всемерную помощь массам полуразоренных, безлошадных крестьян и помочь им встать на ноги, путем организации артелей, сельско-хоз. товариществ, коллективных хозяйств, коммун и т. п., форм коллективной организации сельско-хоз. труда, приближающих крестьянское хозяйство к социализму.

Для обслуживания крестьянского хозяйства денежно-производительным кредитом необходимо всеми мерами привлекать крестьянские сбережения в кредитную кооперацию.

Предоставлены ряд льгот, как правового, так и экономического характера и кустарно-промысловой кооперации и вообще кустарным и отхожим промыслам, составляющим в некоторых районах значительный источник дохода крестьянского населения.

Предложив предоставить кооперации все перечисленные льготы, партия не упустила из виду, что и кооперация по мере роста расслоения деревни станет предметом домогательств крепнущего кулака. На пленуме Центрального Комитета в октябре 1925 г. партия наметила определенную линию всемерной поддержки в этой борьбе бедняцких и середняцких слоев деревенского населения.

И это понятно — „рабочий класс—писал Ленин — может заключить союз лишь с бедняками и середняками в деревне и ни в каком случае с кулаками. Кулака можно, и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они и поссорились, но с рабочим классом никогда... и кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры; не раз восстанавливающие в истории других стран вместо помещиков, царей, попов и капиталистов".

В отношении кулака, как бы мало их не было, мы должны проводить политику такую же как в отношении к нэпману в городе. Сейчас насчитывается всего 3—4% кулаков, но кулак неизбежно будет расти вместе с увеличением расслоения в деревне, он, естественно, будет пытаться сесть на шею большинству трудящихся.

Эту опасность Советская власть должна все время учитывать и укреплять свои позиции в деревне. А этим укреплением позиций в деревне является крепчайший союз рабочих и беднейшего крестьянства с середняками. Высвобождение середняков, как большинства в деревне, из под влияния кулаков вот задача Советской власти в области работы в деревне. И этой задаче подчинены все решения партии и Советской власти.

В деле борьбы за кооперацию необходимо всячески помочь бедноте войти в кооперацию. Партия признала необходимым оказать ей помощь по внесению кооперативных паев, помогать беднякам в виде организации долгосрочного кредита, организации специальных сельско-хоз. предприятий для обслуживания бедноты в виде прокатных пунктов, освобождения от налогов или понижения их для маломощных путем льгот по проведению землеустройства, льготного отпуска леса и т. п.

В связи с применением временных правил о применении наемного труда в сельском хозяйстве, необходимо особенное внимание обратить на союз работников земли и леса, как органа сплочения и защиты интересов крестьянской бедноты. Всеработземлес должен стать на дело организацией сельско-хозяйств. рабочих-батраков и полупролетарских элементов деревни, основным занятиям которых является работа по найму и соединять эти массы с рабочими в городе.

Необходимо помочь организации и укреплению таких общественных организаций в деревне, как кресткомы и комнезамы,— они должны стать живым центром сплочения бедняцких и середняцких слоев деревни.

Та же линия взята и в области политических мероприятий. Необходимо укреплять местные партийные и комсомольские деревенские организации и группировать вокруг них бедняков и середняков. В деле оживления Советов в деревне необходимо всеми мерами втягивать бедняков и середняков в советскую работу.

При перевыборах в Советы, кооперацию, кресткомы, необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организациям в селах, волостях, районах особых групп бедноты с привлечением батраков и стремиться совместно со средним крестьянством отстаивать своих кандидатов при выборах.

Укрепление политической и экономической смычки пролетариата с бедняками и середняками в деревне — вот задача, выполнение которой даст гарантию правильного регулирования мелкобуржуазной стихии.

Советская страна выполнит эти задачи и использует нэп в деревне, как средство продвижения всего нашего народного хозяйства к социализму.

К. Бакашева.

ЗА РУБЕЖОМ

После Локарно

Конференция в Локарно[1] была только прологом, вступлением к тому „концерту“, который должен быть разыгран в Европе в ближайшее время. Программа этого нового европейского концерта еще не раскрылась во всех своих подробностях. В Локарно распределялись роли; как они будут разыграны, покажет будущее. Но дирижерство Англии уже и сейчас вне сомнения, как вне сомнения и то, что настоящим, хотя и невидимым, хозяином были Соед. Штаты. Возможность получить американский заем была премией за сговорчивость. Опасность лишиться американского кредита — достаточной угрозой для несговорчивых. Таких и не оказалось в Локарно. Ясны и цели Локарно создать такую обстановку в Европе, которая развязала бы руки на Востоке включая сюда и СССР. Отчасти цель достигнута. Франция потеряла свои преимущественные права на Германию. Французскому командованию в Германии, как в покоренной стране, приходил уже, впрочем, конец и до Локарно. Конференция только оформила новые отношения. Прежде Англия и Франция вдвоем распоряжались Европой, как своей вотчиной. Английская буржуазия тяготилась своим компаньоном, из-за которого состояние войны в Европе в сущности не прекращалось. Вводя Германию в свою компанию, хотя бы и в качестве младшего пайщика, Англия чувствует себя свободнее и сильнее.

На бумаге все вышло гладко. Мир обогатился новыми восемью договорами—гарантийными пактами. Они—не лучше и не хуже, чем десятки других договоров и пактов, составивших уже со времени генерального Версальского договора изрядный том. Все эти договоры в свое время должны были гарантировать всеобщий, вечный и прочный мир и все они по истечении некоторого очень краткого времени нуждались в дополнениях, раз'яснениях и новых подтверждениях.

[1] О Локарно см. „Красный Журнал для всех“, № 11—1905 г., статью т. Крушкол.

Во всяком случае, Чемберлен, как главный режиссер Локарно, имел некоторое основание торжествовать. Палата общин почти единогласно (против 13 голосов) утвердила локарнское соглашение. Сам Чемберлен, а за ним официозная печать об'явили, что ныне открылась новая эра—эра мира. Правда умереннейший из умеренных, бывший министр в кабинете Макдональда, Джон Ходсон, член рабочей партии, заявил, что „локарнский договор является не верстовым знаком на пути к миру, а указательным столбом, ведущим к войне“. Но в Англии такие голоса тонули в общем восторженном хоре буржуазной печати, воспевшей мудрость своих правителей. На континенте печать пела не так согласно и не так восторженно. Соперничала с консервативной английской прессой по своему усердию только германская социал-демократическая печать. II Интернационал сделал вид, что верит в миротворческую миссию Чемберлена. Этого требовали интересы II Интернационала, который связал свое существование с Лигой Наций, международными третейскими судами, гарантийными пактами и другими фиговыми листками, прикрывающими для широких масс циническую наготу империализма. За вычетом социал-демократов буржуазная печать ответила на Локарно нестройным хором, в котором явственно сквозили скептические ноты.

Это было не важное предзнаменование. Другим зловещим признаком была фальшь, обнаружившаяся при первых же звуках нового европейского „концерта“. Три громких правительственных кризиса последовали непосредственно за Локарно: во Франции, в Германии и Польше. Это значило, что исполнителям не сразу дается их роль и что добиться соглашения между дюжиной министров и дипломатов легче, чем согласовать противоречивые интересы разных буржуазных партий и групп в Европе.

Дирижер европейского буржуазного концерта не стал, впрочем, дожидаться, покуда все музыканты рассядутся по местам, настроят

инструменты и перестанут фальшивить. Договоры еще не были ратифицированы во всех заинтересованных странах, а уже сделан был второй шаг,—приоткрыт занавес над вторым актом задуманной в Локарно комедии. И тем самым обнажилась основная цель направляемой из Англии кампании.

Лига наций и СССР

Словно по данному сигналу буржуазная печать Англии, Франции и Германии заговорила о предстоящем вступлении СССР в Лигу Наций. Проделано это было не без ловкости. Сначала „из достоверных источников“ пустили слух, что в Москве серьезно обсуждается вопрос о Лиге Наций. Потом всякие дипломаты и государственные мужи заявили глубокомысленно, что намерение СССР вступить в Лигу Наций будет встречено весьма сочувственно, так как тем самым будет устранено последнее препятствие к всеобщему и окончательному миру. Так обрабатывались народные массы и подготовлялось общественное мнение к тому, что только от СССР зависит совершенное успокоение Европы. Матерые волки и лисицы буржуазной дипломатии превосходно знали отношение СССР к Лиге Наций; знали, что если Соединенные Штаты не хотят себя связывать участием в этом учреждении, маскирующем хозяйничанье в Европе англо-французского капитала, то тем меньше оснований у СССР итти в подчинение правительствам, явно ему враждебным. Газетная кампания, начатая столь единодушно, что искусственность ее бросалась в глаза, имела явно провокационный характер. Надо было вызвать СССР на отказ, чтобы затем свалить на него ответственность за нарушение мира и покоя.

Так открывалась основная задача Локарно: снова создать блокаду СССР, повторить с новыми средствами и новыми приемами ту же попытку, которая уже неоднократно проваливалась. Морально-политическая изоляция СССР является первым шагом. Если бы удалось добиться здесь единодушия со стороны всех европейских держав, если бы удалось ввести в длительный обман рабочие массы на западе, то возможен был бы и следующий шаг: прямой или замаскированный переход в наступление, попытка тем или иным путем подорвать жизненые силы СССР, остановить его хозяйственное восстановление, внести смуту, подкопаться под союз рабочих и крестьян и под диктатуру пролетариата. Не мытьем, так катаньем,—а добиться той цели, которую английская буржуазия поставила перед собой восемь лет назад и которой она никогда не изменяла. Неизменно, однако, она терпела поражение. Замыслу мешали три основные причины: противоречия интересов капиталистических держав, вследствие чего расстраивался единый фронт буржуазии; сопротивление рабочего класса, который поднимался на защиту первого пролетарского государства и, наконец, растущая сила самого СССР.

Поход против пролетариата в Англии

Видимость единого фронта буржуазии в Локарно удалось сварганить. В какой мере этот „единый фронт“, однако, способен на серьезные единые действия, мы увидим ниже. Одновременно английское правительство начало усиленную кампанию против рабочего класса своей страны. Еще в октябре на с'езде консервативной партии премьер-министр Болдуин заявил, что Англии придется „переплыть через бурное море“. Это было указание на предстоящую острую борьбу с пролетариатом. Понижение производства в главных отраслях промышленности, падение внешней торговли, колоссальная армия безработных, поглощающая государственные средства,—все это, вместе с необходимостью платить долги Америке, вместе с боязнью конкуренции Америки, вместе с осложнениями на востоке и в колониях, не дает отдыха и покоя английскому капиталу. Он ощущает колебания почвы под ногами. В буржуазной печати все чаще прорываются пессимистические ноты и появляются статьи, пророчащие близкую гибель Англии. Новый возможный приход к власти рабочей партии вызывает перед глазами призрак гражданской войны. Консервативное правительство нервничает и торопится. У страха глаза велики; источник опасности поэтому мерещится в „Москве“, в Коминтерне. Чтобы укрепить свое положение, надо разгромить заблаговременно рабочий класс. А для этого надо начать с коммунистов.

Исполнителем задуманного похода выступил министр внутренних дел Джойнсон Хикс. Начато было дело с истинно полицейской наглостью и грубостью. Помещение центрального комитета английской коммунистической партии подверглось разбойничьему налету

и разгрому. Главные деятели (Инкпин, Поллит, Галлахер, Велл, Мэрфи, Мак-Манус и др.) арестованы и преданы суду. Каковы же были результаты этого налета? Английская буржуазия еще принуждена считаться с конституционными формами. Она боится отшвырнуть в сторону последнее приличие и открыто стать на почву фашизма. Болдуин заявил, что он не хочет быть английским Муссолини. Это значит, что он боится им стать, чтобы не вызвать преждевременно гражданскую войну. Арестованных вождей коммунистов пришлось поэтому освободить под залог, а затем судить гласно. Показания шпионов были нелепы, явно лживы. Впечатление от судебной процедуры сложилось далеко не в пользу правительства. Не только рабочие массы, но и либералы отнеслись с возмущением к полицейским приемам расправы с коммунистами. Рабочая партия не могла скрыть от других и от себя, что удары по коммунистам, это удары и по всему рабочему классу. Некоторый поворот в настроениях широких масс немедленно сказался. На муниципальных выборах консерваторы потеряли 146 мест, а рабочая партия выиграла 190 мест. В одном только Лондоне рабочая партия выиграла свыше 90 мест. Конечно, это поражение правительства вызвала не одна только грубая расправа с коммунистами. Ей даже принадлежала лишь второстепенная роль. Основная причина в том, что мелкая буржуазия и значительная часть рабочих, поверившие в таланты и добрую волю капиталистов, успели за год разочароваться в консерваторах и повернулись к ним спиной. При столь колеблющихся и неустойчивых настроениях азартная политика правительства может оказаться весьма рискованной.

Между тем азарт растет. Сэр Болдуин еще не хочет быть вождем фашизма. Но фашизм уже существует в Англии и, как всякий фашизм, он не сдержан, буен, рвется в драку. Выступление в Ливерпуле членов добровольной „организации охранения снабжений“ показало, что буржуазия деятельно вооружается и готовится к будущим боям. Джойнсон Хикс открыто заявил, что „он оказался бы дураком, если бы от имени правительства отклонил помощь этой организации, которая предполагает составить списки специальных констеблей (полицейских), инженеров и лиц для обслуживания транспорта в случае всеобщей забастовки“. Однако, не дожидаясь этого счастливого случая лондонские фашисты учинили глупейшее нападение на грузовик газеты „Daily Herald“. Либеральная печать заявила, что Джойнсон Хикс компрометирует английское правительство, но он, собственно, только преждевременно раскрывает его карты.

Грубость правительства,—которому, впрочем, не до приличий,—раздражает умеренных вождей рабочего класса. Она срывает их собственную игру. Макдональд, который раз'езжает по Европе со специальной миссией борьбы с Коминтерном и всюду проповедует, что красная Москва угрожает европейскому миру, должен был неожиданно повернуться в сторону Лондона и сердито огрызнуться по адресу правительства, которое „само питает революционное движение“.

Таким образом, уже первые и в сущности еще незначительные шаги консервативного правительства в борьбе с рабочим классом вызвали шум и недовольство в широких кругах населения. А самое серьезное предстоит впереди. Капиталисты Англии готовят покушение на заработную плату пролетариата. Вне этого они не видят выхода из экономического кризиса. А среди рабочих крепнет убеждение, что тесная связь с растущим хозяйством СССР значительно облегчила бы положение рабочего класса и английской промышленности. Оппортунистическая рабочая партия еще крепко держит английский пролетариат в своей идейной власти. Но английский пролетариат враждебно относится к попыткам прямого разрыва с СССР и к нападению на него. Одна из основных причин, расстраивавших блокаду Англией советского Союза, осталась в силе и еще более выросла. С'езд английских профсоюзов в Скарборо, английские рабочие делегации в СССР, советско-английский рабочий комитет действия — все это укрепило связь рабочего класса Англии с пролетариатом СССР.

Правительственный кризис во Франции

О возможности наладить прочное и длительное соглашение буржуазии различных стран Европы красноречиво говорят события во Франции и Германии после Локарно.

Французская буржуазия ответила на Локарно правительственным кризисом. С первого взгляда он не связан непосредственно с Локарно. Причина его — финансовый тупик, в который зашло государственное хозяйство

Франции, в котором оно бьется последние годы безнадежно. Эта основная проблема, которая стоит перед буржуазными руководящими кругами Франции, заслонила все другие вопросы. Она поглощает львиную долю внимания политиков. Вот почему французская печать сравнительно мало интересуется результатами конференции в Локарно.

Кабинет Пенлеве пытался удержаться тем, что пожертвовал известным Кайо, министром финансов. А ведь Кайо пришел на смену прежнему министру как финансовый маг и чародей. В необыкновенные финансовые таланты Кайо верила мелкая буржуазия, но с доверием к нему относились и капиталисты. Кайо должен был приостановить падение франка, уничтожить дефицит в бюджете, открыть новые источники дохода, — и при всем этом не посягая на капиталы крупной буржуазии. Кайо оправдал доверие последней. Он отказался тронуть капиталы. Он продолжал кормить Францию бумажными деньгами, и франк падал непрерывно на радость капиталистам, которые зарабатывали миллионы на вывозе дешевеющих французских товаров. Мелкая буржуазия разорялась и пролетариат обворовывался. Наконец, терпение мелких собственников, лопнуло. Гарантийный пакт никого не утешил и никого не обнадежил. Кайо должен был уйти. С ним ушла одна из иллюзий, которыми живет французский мещанин: о возможности выйти из финансового тупика без потрясений.

Портфель Кайо перешел к Пенлеве. Дыра в финансах осталась. Это даже не дыра, а пропасть. Около 60% госуд. бюджета уходит на платежи долгов, на проценты по долгам, и на содержание армии. Надежда на то, что Германия уплатит по всем счетам. рухнула. Локарно не возродило этой надежды; скорее, наоборот, укрепило мысль, что с немцев не много возьмешь. Соед. Штаты требуют уплаты военного долга, которого Франция, — в отличие от СССР, не отрицает, но которого, — по примеру СССР, не платит.

Кабинет Пенлеве тщетно бился над проблемой, на которой споткнулись поочередно Эррио и Кайо. Только коммунисты указывают выход из тупика: национализация важнейших отраслей промышленности, контроль над банками, а прежде всего радикальное сокращение военных расходов. эвакуация Сирии и Марокко, отказ от авантюр. На языке не только капиталистов, но и официальных „социалистов“ это революция. Социалисты предлагают другое: налог на капиталистов, на ренту. Однако, даже на скромные, на робкие шаги в этом направлении не может решиться правительство левого блока. И по причине совершенно понятной. Орган французской коммунистической партии „L'Humanité“ („Человечество“) вскрыл экономическую основу правительственных перемен. От одной группы капиталистов власть перешла к другой. За спиной Пенлеве стоит могущественный союз банков с Парижско-Голландским банком во главе.

Встревоженная за судьбу своих сбережений, тающих вместе с падением франка, мелкая буржуазия требует реформ. Но крупный капитал терроризирует власть и общество угрозами ухода из страны и полного краха валюты. На слухи о предстоящем обложении капитала буржуазная печать ответила известиями о начавшейся утечке капиталов за границу.

Балансирование Пенлеве между мелкобуржуазным блоком и капиталистами ни к чему не привело. Он свалился. После него в течение недели виднейшие государственные мужи Франции разыгрывали пред, глазами изумленного мира неслыханную чехарду. Бриан, Думер, Эррио пытались сотавить кабинет,— безуспешно! Тогда последовала сдача на милость победителя. Обанкротившийся „левый блок“ при молчаливом содействии социалистов пропустил на правительственные кресла „самого“ Лушера, французского Стиннеса, короля банков и трестов. влиятельнейшего представителя французского капитала. Все тот же Бриан предшествовал ему в качестве премьера.

Приход Лушера положил конец всем толкам о коренной финансовой реформе. Вместо этого—новый выпуск бумажных денег и прямой поход на заработную плату пролетариата. Внутренние отношения во Франции усложняются и обостряются. А во внешней политике зловещей угрозой встает загоревшийся Восток.

Восстание в Сирии

Вызванный осенними дождями перерыв в военных действиях в Марокко и предшествовавшие этому частичные успехи французов дали французским генералам сомнительное основание говорить о полной победе над риффами. Генерал

Петен заявил даже, что роль армии окончена, начинается роль дипломатии. Сколько правды в этом хвастовстве, видно из того, что пока ни на какие уступки в вопросе о независимости вождь риффов Абдэль-Керим не идет, и впереди снова военные действия.

Но Марокко бледнеет в сравнении с чудовищным преступлением французского империализма в Сирии. Восстание в Сирии знаменательно тем, что оно направлено не только против Франции, но и против Лиги Наций, против всего современного колониального разбоя, прикрытого лицемерными фразами о всеобщем мире и о покровительстве слабым народам.

Друзы в Сирии были одним из таких „слабых народов". Лига Наций вручила Франции мандат на устройство и упорядочение Сирии. Срок мандата заканчивается в 1926 г. Все это время Сирия, по клятвенному уверению французского правительства, „благоденствовала", и мирная идиллия нарушалась только небольшими повстанческими отрядами. Бомбардировка Дамаска 18 октября разрушила эту ложь. Три дня французские пушки громили один из крупнейших городов азиатского востока, — город, имя которого с уважением произносит весь мусульманский мир. Выяснилась картина управления „по мандату Лиги Наций". Франция торопилась так „устроить" страну, чтобы превратить ее навсегда в свою колонию, а „слабый народ", нуждающийся в покровительстве, обратить поголовно в рабов, добывающих за гроши хлопок для французских капиталистов. В Дамаске было убито свыше 1.200 человек, разрушены целые кварталы. В результате вспыхнула общая крестьянская война против поработителей-французов. Чтобы усмирить ее силой, нужна армия, нужно море крови. Сирийцы требуют полной независимости, эвакуации фуанцузских войск.

Восстание в Сирии разгорается и уже вышло за пределы страны. Это породило острую тревогу в руководящих кругах европейской и американской буржуазии. Ничего так не боятся в Лондоне, как пожара на востоке. В Азии опасна всякая искра, — столько скопилось горючего материала и в Аравии, и в Турции, и в Индии, и в Египте. Обостряются все старые противоречия. Англия с трудом сносила соседство Франции рядом с Палестиной, которая должна служить новым прикрытием для жизненной артерии Англии, — для Суэцкого канала. С величайшим трудом Англия возвела здесь ряд карточных домиков, — искусственных арабских государств, которые грозят рухнуть при первом серьезном толчке. Между тем, гром дамасских пушек уже взбудоражил все Зайорданье. Арабские племена присоединяются к друзам. Пожар может перекинуться на Моссул, — центр нефтяных вожделений английского и американского капитала. При первых известиях о восстании, два американских крейсера получили предписание отправиться в Бейрут. Американская буржуазная печать с негодованием писала о французских приемах усмирения и разоблачала правду о Дамаске. Это значит, что американский капитал раздражен грубой бестактностью французской военщины.

События в Сирии повлекут за собой обострение во внутренних отношениях Франции. Прежде всего, они вызовут новые военные расходы и отправку новых войск. А затем совершенно ясно, что как бы ни справились французы с нынешней волной восстания, это не конец, а лишь начало потрясений. Только политика отчаяния, самая слабая из всех видов политики, — могла бы толкнуть теперь Францию на новую авантюру против СССР. Такая авантюра была бы не только опасной, а и роковой. Таким образом, ближайший союзник Англии в ее интригах и махинациях против Востока весьма и весьма ненадежен.

Правительственный кризис в Германии

Германия как и Франция, на договор в Локарно ответила правительственным кризисом. Соглашение не укрепило, а расшатало существующую власть. Конечно, кабинет Лютера принял договоры, а рейхстаг их ратифицировал. Германская буржуазия вынуждена следовать в хвосте английской политики. У нее, в сущности, нет другого выхода, если она не хочет проститься с надеждами на американскую поддержку. Видимое „равноправие", которого как будто добилась Германия в Локарно, ее вступление в Лигу Наций, есть по настоящему полное подчинение Англии. Этой ценой куплено освобождение от Франции.

„От хорошей жизни не полетишь", — говорит герой рассказа Горбунова. И если из кабинета Лютера вслед за Локарно вылетели три министра-националиста, а за ними

едва не вылетело и все правительство, то, стало быть, не слишком хорошая жизнь ожидает Германию в ближайшем будущем. Германия взяла на себя определенные (вернее, неопределенные) обязательства в Локарно, но сможет ли она их выполнить, это еще вопрос.

Германией правил до Локарно блок средних буржуазных партий при поддержке правых (националистов). Крупные капиталисты мирились до поры до времени с правительством Лютера, выжидая момента, когда его можно будет заменить своим. Власть была относительно устойчива, потому что она позволяла германской социал-демократии сохранять внешнюю самостоятельность, маскируя фактическую поддержку буржуазного правительтельства. Социал-демократия играла роль лойяльной оппозиции, не принимая прямо на свою ответственность враждебную политику к СССР. С другой стороны, и правительство не доводило этой политики до крайности, боясь потерять рынок. Когда английские банки отказали в кредитах СССР, германские предоставили нам кредит в 100 мил. золот. марок.

Шила в мешке не утаишь, и то, что Германия в Локарно пошла на услуги к анлийскому капиталу и взяла на себя обязательства, враждебные СССР, — стало, хотя и скрываемой официально, но общеизвестной истиной. Националисты воспользовались случаем, чтобы нанести удар правительству. С'езд национальной партии отнесся резко отрицательно к локарнским договорам. Вожди крупной промышленности не хотят и не могут расстаться с великодержавными, империалистическими мечтами. Германский капитал боится английского. Правительство Лютера повисло в воздухе. Открытого союза с средними партиями буржуазии на платформе, враждебной СССР, социал-демократы боятся. Но им придется пойти на такой союз и они знают, чем это грозит. Рабочий класс Германии не желает участвовать во враждебных действиях против пролетарского государства. Поэтому никто не лжет так бесстыдно теперь в Европе, как социал-демократы, уверяя, что Локарно не направлено против СССР, никто не юлит таким мелким бесом перед Чемберленом, как вожди II Интернационала. Им надо оправдать свое голосование за Локарно, надо подготовить свой открытый союз с буржуазией, направленный прямо против СССР. Германская компартия оправляется после временной слабости. Блестящий успех коммунистов на городских выборах в Берлине служит показателем перелома в настроениях рабочих масс. В столице Германии коммунисты удвоили количество полученных за них в прошлый раз голосов; социал-демократы понесли поражение. Они могут сохранить за собой большинство в городской думе только при поддержке коммунистов. Это заставит их оглядываться почаще на рабочий класс и в общих вопросах политики.

Чемберлен может любоваться подписью Штреземана на договоре... Однако, что за этой подписью? Какие реальные силы гарантируют гарантийный пакт? Националисты явно ждут случая отделаться от обязательств и готовят исподтишка монархический переворот. Социал-демократы боятся всякого афиширования англо-германской дружбы, угрожающей СССР. Правительство колеблется как тростинка. Для обдуманной, длительной и выдержанной кампании такая основа явно ненадежна. Конференции в Локарно не сгладила, а обострила все классовые противоречия в Германии.

Кризис в Польше

Англо-германо-французский блок, рожденный конференцией в Локарно,—это пока блок лебедя, рака и щуки, впряженных в крыловский воз. Такая запряжка не может внушать особого страха при всех своих грозных намерениях. Но кроме этих главных держав Европы есть и второстепенные. С их мнением не всегда считаются,—однако, во всяких действиях против СССР некоторым из них принадлежит главная роль. Это относится в частности и в особенности к Польше.

Польша не пожелала отстать от Франции и Германии. И она ответила на Локарно громким правительственным кризисом. Правительство Грабского (тринадцатое по счету правительство в Польше!) пало бы и без всякого гарантийного пакта; на это были достаточно веские причины. Но важно то, что Локарно не поддержало Грабского, не укрепило его, не отсрочило гибели. Напротив, оно нанесло правительству последний удар.

Польша поднялась на французских хлебах,—вернее, французских франках. Падение франка, падение удельного веса Франции в Европе подкосило и шляхетскую Польшу.

Она ведет по французскому образцу жизнь не по средствам. Дыры в бюджете затыкались до сих пор внешними займами. Но Англия и Франция больше денег не дают, Соед. Штаты в ответ на униженные просьбы подали милостыню (10 мил. дол.). Банкротство нависло над страной.

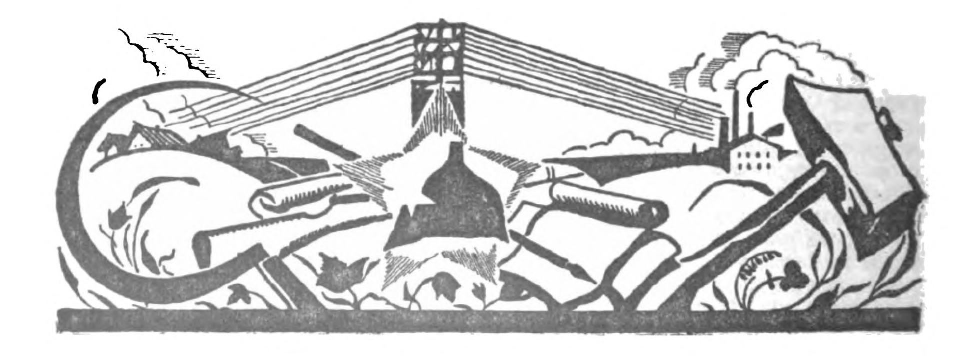
Кабинет Грабского сдерживал до поры до времени острые классовые противоречия. Он держался на острие скрещенных шпаг и мог держаться только до тех пор, покуда застыли на своих местах противники: помещики, с одной стороны, мелкая буржуазия, руководимая крестьянскими партиями,—с другой, военщина Пилсудского – с третьей. Пилсудский сделал первый шаг, в воздухе запахло переворотом, и кабинет Грабского рухнул как карточный домик. Нет никаких оснований думать, что четырнадцатое правительство Польши будет более прочно и долговечно, чем предыдущие тринадцать. Перед ним стоят тяжелые и неразрешимые задачи. Надо изыскать источники дохода, поднять промышленность, насытить земельный голод крестьянству, смягчить острую безработицу, рассеять кошмар банкротства. И при всем этом—сознание, что Польша обманута покровителями, что польско-германская граница осталась без защиты, и Германия может вырости в грозного врага.

Таким образом, осень, вопреки Локарно, не принесла мира и покоя буржуазной Европе. Она раскрыла напротив величайшую политическую ее неустойчивость. Она показала, что буржуазные правительства это трясина, на которой рискованно возводить солидные сооружения, тем более, „храмы мира“. Министры, подписывающие договор, превращаются завтра в небытие. Их сменяют другие. Правда, министры уходят, но буржуазия остается. Полагаться, однако, на прочность договоров и союзов при таких условиях трудно.

Запад и Восток

Формула мира Локарно, это формула со многими неизвестными. Она не достигает главной цели, для которой она задумана. Она не развязывает рук Англии в Европе, чтобы дать ей сосредоточить все свое внимание на „востоке“. А между тем осень принесла и здесь сюрпризы, таящие в себе тревожную для империализма загадку. Не говоря уже о пожаре в Сирии, пылает огнем гражданской войны многомиллионный Китай. Здесь пока еще в стороне от схватки, но следя ревниво за каждым уклоном ее, стоят: Англия, Япония, Соед. Штаты. Их интересы противоречивы. Япония поставила игру свою на Чжан-Цзо-Лине, Англия и Соед. Штаты—на У-Пей-Фу. Но выдвинулась третья сила—народные армии Китая, выступающие с лозунгом его независимости. И в своей вражде к ним солидарны все империалистические державы. В свете зарева, разгорающегося над Азией, бледнеет Локарно. Жалкими представляются усилия империализма создать насильственный мир в Европе, когда империализм разжигает войны в Азии. Однако, тема о Китае требует особой статьи.

Д. Заславский.

Анабиоз или явление оживания

Судьбы всех крупных вопросов науки таковы, что они требуют длительного и упорного труда для полного раз'яснения. Тысячелетний вопрос о жизни и смерти таков же;— чтобы разрешить его окончательно, понадобится еще много исследований и наблюдений.

Работы последних десятилетий, в которых соединились для совместных исследований физика, химия, биология, уже открыли нам первые пути к желанной цели и показали, что детальное изучение химического состава и физического состояния живой материи — единственный метод, дающий положительные результаты в исследовании этой области. С момента приложения его к работе — механика жизни уже перестает казаться неразрешенной задачей.

Одним из подходов к этому вопросу является путь, для которого отправной точкой служит переходное, промежуточное состояние между жизнью и смертью, из которого организм может снова вернуться к полной жизни. Это состояние известно в науке под названием „скрытой жизни" или „анабиоза" [1].

Обратимся к изучению явлений скрытой жизни в царстве животных организмов.

Все работы, посвященные изучению состояния скрытой жизни семян, несмотря на огромную важность их, не вызвали, однако, очень большого интереса в ученом мире; это об'ясняется, тем, что явление это слишком обычно и встречается на каждом шагу. Наоборот, из истории биологии мы знаем, что гораздо живейший интерес и горячие споры вызвало открытие анабиоза у взрослых животных, хотя оно встречается сравнительно редко. Первым исследователем в этом направлении был знаменитый голландский натуралист А. Левенгук, живший в конце XVII и начале XVIII века. Он был одним из первых естествоиспытателей, которым удалось заглянуть в неизведанный до тех пор мир микроскопических существ, благодаря изобретению микроскопа. Левенгук сам сконструировал микроскоп, который в его время был наилучший из всех существовавших, и при помощи его сделал свои замечательные наблюдения над жизнью мелких водных животных. Среди многих прочих исследований он случайно натолкнулся однажды на удивительное явление — оживания высохших животных. Взявши как-то для изучения пробу песка из сточного желоба крыши и рассматривая ее под микроскопом в воду, он заметил как из смоченного песка повылезли одно за другим сотни мелких животных, которые начали плавать в воде. Повторив несколько раз тот же опыт смачивания песка, Левенгук убедился, что в нем содержится постоянно большое количество высохших мелких животных, которые оживают в воде. Далее он подробно исследовал эти организмы в сухом состоянии и многократно наблюдал всю последовательность оживания их. Тщательно описав открытые им формы, Левенгук сделал сообщение о том крупнейшим ученым своего времени, однако, все изложенное им казалось столь невероятным, что никто не поверил ему и даже не потрудился повторить его опыты. Вскоре открытие было забыто и, как мы увидим, получило признание много лет спустя.

Другое не менее удивительное наблюдение было сделано английским исследователем Нидгемом в 1743 году. Он задался как-то целью изучить болезнь пшеничных колосьев, которые имеют черные зерна и, найдя внутри его мучнистую массу белого цвета, Нидгем положил ее в каплю воды под микроскоп и вскоре заметил, что белые, длинные нити, из которых состояла масса зерна, начали двигаться и извиваться на подобие червей. Он попробовал снова высушивать этих таинственных животных и убедился, что при этом они опять впадают в неподвижное состояние, из которого могут быть возвращены к жизни водой. Проделав еще ряд таких же опытов просушивания и оживления, Нидгем пришел к заключению, что имеет дело с какими-то червеобразными организмами, которые обладают способностью умирать при высыхании и снова оживать в воде. В этом смысле

---

[1] Слово „анабиоз" в переводе на русский язык означает „оживление"; название неудачно, так как оно больше относится к процессу возвращения организма из безжизненного состояния к жизни, но не определяет самого безжизненного состояния; в биологии оно все же употребляется очень часто.

он опубликовал свои наблюдения и разослал знакомым натуралистам черные зерна пшеницы для поверки сделанного открытия.

Судьба его открытия была, однако, не менее печальная чем Левенгука: целый ряд ученых напал на него с насмешками и негодованием; его открытие было отвергнуто и сочтено ошибочным. Наконец, он сам под влиянием этих нападок принужден был отказаться от своих совершенно правильных наблюдений и признать их за не вполне точные.

Только 10 лет спустя его исследования были повторены другими учеными, которые подтвердили их правильность, а еще на 30 лет позднее было найдено, что пшеничные угрицы (так называли этих червей) обладают способностью оживать даже после двадцатисемилетнего пребывания в высушенном состоянии. В тоже время итальянский исследователь Спалланцани повторил опыт высушивания коловраток из песка сточных желобов и удостоверился, что все выводы Левенгука были вполне правильны. Это произошло уже в 1777 году, когда Левенгука не было в живых. Несмотря на подтверждение Спалланцани, который был крупнейшим научным авторитетом своего времени, многие ученые отнеслись недоверчиво к явлению оживания. Оно казалось слишком необыкновенным и не как не укладывалось в рамки тогдашнего представления о жизни. Помимо того, весьма сильное давление на умы исследователей производила католическая церковь; для нее не существовало, конечно, научного подхода к открытиям Левенгука и Ницгема, она оценивала их только как ересь ученых, которые осмелились утверждать „воскресение из мертвых“ у каких-то коловраток и червей. Влияние гнета церкви было настолько велико, что многие ученые отказывались признать эти открытия только из боязни преследования с ее стороны, а другие решались признать его лишь на словах, без печатного оглашения своего мнения.

Опыты Спалланцани произвели, однако, огромное впечатление и после него целый ряд исследователей занялся аналогичными наблюдениями, в результате которых возникло множество споров, так как одни добивались оживания высушенных животных, а другие не достигали удачи и возражали против возможности оживания.

В этих спорах прошла вся первая половина XIX столетия пока, наконец, они завершились блестящим диспутом двух французских ученых, — Пуше и Дуайнера в 1860 году. Первый из них был сторонником виталистического взгляда на сущность жизни и совершенно отрицал возможность оживания высушенных организмов, второй держался противоположных воззрений. Для разрешения горячего спора, загоревшегося между этими двумя предводителями двух научных партий, Парижское биологическое общество избрало специальную комиссию ученых, которая проверила опыты диспутантов и сама приняла в них участие; ее работы и заседания длились целых девять месяцев и закончились признанием победы Дуайнера, т.-е. возможностью оживания.

С этого момента ее работы в области анабиоза при высушивании уже не носили на себе отпечатка принципиальности и направлены были, главным образом, к изучению деталей этого интересного вопроса. Кроме коловраток, живущих в песке на крышах, и пшеничных угриц, был найден еще ряд животных, обладающих той же способностью переносить высыхание; все они, впрочем, относятся к тем же группам животного царства, что и открытые ранее формы.

Все проделанные до сих пор опыты показывают, что процесс высушивания и оживания у червей идет подобно тому, как мы это видели у коловраток и других мелких животных, но, благодаря более сложной организации, черви не могут выносить полного высыхания; при полной потере воды у них, очевидно, происходит разрушение важнейших частей тела: кровеносных сосудов, нервной ткани, и потому возврат к жизни становится невозможным.

В опытах высушивания лягушек и жаб было установлено, что эти животные еще более чувствительны к потере воды и могут отдавать не более 40—47% ее. При этом оказалось, что лягушки совершенно не впадают в оцепенение, и деятельность сердца, дыхание и чувствительность сохраняется у них почти в полной норме до момента смерти, которая наступает внезапно и следует, как можно предполагать, от быстрого свертывания крови в сосудах. Высшая организация животного связана, очевидно, и с большей чувствительностью и хрупкостью его составных частей; клетки его тела, особенно таких тканей, как кровь и нервы, являются мало приспособленными к переживанию сильных

воздействий; плазма их обладает, вероятно, несколько иным химическим составом и строением, чем у коловраток, ибо ее белковые соединения уже свертываются при потере только половинного количества воды. У низших организмов, более всего у коловраток и некоторых червей (угриц), т.-е. у тех форм, которые в природной обстановке часто подвергаются высыханию, оригинальные особенности их плазмы являются, повидимому, специальным приспособлением к их образу жизни в обстановке меняющейся влажности.

На основании описанных опытов высушивания животных мы можем еще раз подойти к разрешению вопроса, являющегося основным для нашей статьи; прекращаются жизненные процессы в теле животного, когда оно высушено полностью и не проявляет никаких внешних признаков жизнедеятельности.

В этом отношении дождевые черви и лягушки дают, явственно, отрицательный ответ: благодаря высокой организации, тело их не может выносить полного высушивания и остановки всех жизненных процессов; наоборот, у коловраток, тихоходок и мелких червей, в условии высушивания их при полном отсутствии кислорода и влаги, очевидно, наступает полная безжизненность на подобие того, что было найдено в опытах Беккереля с семенами растений. Мы должны признать, следовательно, что „скрытая жизнь“ этих животных представляет, в сущности, отсутствие всякой жизни. Иначе говоря, если мы считаем, что настоящая жизнь характеризуется рядом химических реакций, а в противоположность ей безжизненное состояние есть полная остановка всех этих процессов, то в наших опытах с коловратками можно вполне определенно говорить о переходе живых существ в безжизненное состояние при высушивании и об оживании их, о „воскресении“ при возврате в воду.

Не следует, однако, упускать из виду, что безжизненное состояние, в которое впадают они, значительно отличается от состояния настоящей смерти. Последняя, кроме остановки жизненных процессов, характеризуется еще тем, что из нее возврат к жизни становится невозможен, благодаря разрушению сложных живых веществ, т.-е. благодаря такой химической перестройке их, после которой совершенно теряется их первоначальная структура. Будет ли причиной смерти отравление какими-либо ядами, чрезмерное нагревание, нарушение целости организма или отсутствие питания и кислорода, — все равно, — в результате этих воздействий такая перестройка живого вещества произойдет; она нарушит тем или иным способом характерную структуру живой материи и лишит ее основных химико-физических качеств, необходимых для осуществления процесса жизни. В наших опытах высушивания и перехода плазмы в бездеятельное состояние мы, очевидно, имели дело с иными процессами: изменения, происходящие при этом живом веществе, не заходят так далеко и не нарушают его основного строения; белковые соединения плазмы сохраняют, вероятно, свои характерные особенности химического строения и при возвращении воды способны снова перейти в активное состояние. Основное различие между полной смертью и описанным нами безжизненным состоянием или, как его называют иначе, состоянием „скрытой жизни“ заключается в том, что изменения, происходящие в живом веществе, в одном случае (смерть), являются необратимыми, т.-е. не могут итти в обратном направлении к восстановлению активной жизни, а в другом (скрытая жизнь) обратима.

При таком положении дела, конечно, не может быть речи ни о каком чудесном „воскресении из мертвых“; весь процесс оживания скорее можно уподобить пробуждению от глубокого сна или пуску в ход временно остановленного механизма. Один из физиологов очень удачно сравнивает состояние анабиоза с заведенными часами, у которых маятник перестал качаться и все колеса и стрелки остановились; в этом положении часовой механизм напоминает высушенное животное. Стоит только дать один толчок маятнику и он снова начнет качаться, снова завертятся колеса и двинутся стрелки; засушенному организму толчок к работе дает вода, вступающая в его плазму; получив необходимое количество ее, он также пускает в ход свои механизмы и начинает работать, превращая вещества и выделяя энергию. Весь фокус в том, чтобы не нарушилось при остановке правильное соотношение частей машины, чтобы они не изменили коренным образом своей формы и состава. Но если разобрать часы, если даже вынуть только одно колесо из их механизма, то никакой толчок не сможет уже пустить их в ход; организм также не вернется к жизни, если

нарушена его целость, распались его составные части.

Обратимся теперь к другому состоянию анабиоза, наступающему под влиянием низкой температуры, холода.

Жизнь организма находится в зависимости от энергии создаваемой окружающей обстановкой; свет, тепло, электричество, сила тяжести — это все энергические факторы жизни, которые нередко кладут глубокий отпечаток на ее процессы. Из них наибольшее значение имеет теплота. От температуры, как мы уже упоминали, зависит скорость химических реакций и она же является причиной того или иного физического состояния веществ. Вода, например, из жидкого состояния переходит в газообразное при нагревании до 100°, и в твердое — при охлаждении до 0°. Помимо физического изменения при подобных переходах резко изменяются и химические свойства материи: вещества, находящиеся в твердом состоянии при соприкосновении друг с другом не могут в большинстве случаев вступать в соединение, что обусловливается малой подвижностью их частиц; в жидком же и газообразном состоянии те же вещества легко соединяются химически, благодаря энергичному движению молекул. Теплота следовательно, является крупнейшим фактором, определяющим быстроту химических реакций как в неживых соединениях, так и в живом веществе организма.

Следует заметить, однако, что для каждого вещества, имеющего определенный химический состав, и для каждой реакции воздействие высокой температуры благоприятно только до известного предела; перегревание, как и очень низкая температура может нередко разрушать вещество и приостанавливать его химическую деятельность. Особенно чувствительным к температурным изменениям именно вещества живых организмов, которые обладают большой сложностью строения и большой химической подвижностью. Те основные реакции обмена веществ, которые являются главной характерной особенностью каждого живого организма, происходят обычно, благодаря присутствию в теле животных и растений специальных химических соединений, известных под общим названием ферментов. Они, как оказывается, очень чувствительны к теплу и холоду и могут работать только в определенных границах изменений температуры; чрезмерное охлаждение и нагревание „убивает“ прежде всего именно их химические качества, разрушает их состав.

Таким образом, мы можем сказать, что жизнь в главнейших своих проявлениях в значительной степени зависит от условий температуры; вполне понятно поэтому, что организмы стремятся всеми способами к поддержанию и сохранению тепла в своем теле. Это достигается обычно усиленным потреблением пищи, вещества которой. соединяясь в клетках тела с кислородом доставляемым в процессе дыхания, окисляются (сгорают) и развивают некоторое количество тепла. У низших животных и у огромного большинства растений процессы эти идут настолько медленно, что тело их не может нагреваться самостоятельно и обладает обычно температурой окружающей среды или превращает ее только на несколько десятых частей градуса. У насекомых, например, температура тела летом превышает температуру воздуха только на 0,4 — 0,8°, а при усиленном движении крыльев на 4 — 5°; у рыб и лягушек она выше температуры окружающей воды лишь на 0,6 — 0,7°. Эти животные относятся, как известно к разряду „хладнокровных“, или не обладающих собственной температурой тела; их жизненные процессы регулируются главным образом теплотой окружающей среды. В противоположность им „теплокровные“ животные, птицы и млекопитающие (звери) имеют постоянную температуру около 37—39°, которая не изменяется от действия внешних условий и регулируется специальными внутренними приспособлениями организма, которые предохраняют тело от излишней потери тепла зимою (шерсть, перья), а летом усиливают выделение его (испарение пота с кожи и воды из легких). Эти животные, несмотря на их приспособления, все же не могут противостоять сильному длительному воздействию холода и жары и погибают от чрезмерного охлаждения и нагревания также как и хладнокровные организмы.

Изучая холодостойкость и теплостойкость разных животных можно заметить, что здесь имеется некоторое сходство с отношением их к высушиванию: низшие организмы оказываются более выносливыми, чем сложные и высоко-организованные. Ряд опытов проделанных для точного определения этих способностей показал, что каждое животное имеет свои температурные границы жизни, в пределах которых его жизненные процессы идут более или менее энергично. Многие бактерии,

например, погибают при охлаждении до 4—5° и при нагревании свыше 50°, но среди них встречаются также формы способные переносить самые жестокие зимние морозы до минус 60, минус 70°, а также приспособившиеся к жизни в воде горячих источников при температуре около 70° тепла.

Более сложные животные оказываются не столь стойкими в отношении нагревания; например, для большинства раков и насекомых температура в 40—45° уже является гибельной, рыбы и лягушки выдерживают нагревание только до 37—38°. Особенно же чувствительны к повышению температуры тела все теплокровные организмы; человек, у которого нормальная температура тела около 37°, редко переживает повышение ее до 43°.

Причина гибели животных при повышении температуры их тела выше определенной точки происходит не только от свертывания белковых соединений их плазмы, но также и от того, что ускорение различных химических реакций при нагревании идет не одинаково; в результате его получается разлад в работе отдельных органов и их тканей, который при продолжительном действии может быть смертельным для организма.

Влияние низких температур, вообще говоря, менее разрушительно, чем высоких. Холод сам по себе не изменяет в большинстве случаев химического строения живого вещества и не убивает его жизненных способностей; он оказывает зато другое действие, которое имеет не меньшее последствие, — замораживает воду. Исследование процесса замерзания животных и растений обнаруживает, что жидкая вода при превращении в твердое состояние выходит из протоплазмы клеток и замерзает в чистом виде: благодаря этому, жидкие белковые соединения как бы высушиваются морозом и гибнут не от холода собственно, а от химического изменения их состава вследствие высушивания, подобно тому, что мы видели в опытах высушивания в безвоздушном пространстве. Сходство этих двух процессов настолько полно, что невольно встает вопрос: если высушивание и замораживание одинаково лишает организм воды, то нельзя ли применить холод для достижения состояния „скрытой жизни“, анабиоза.

Различные рассказы о людях и животных, которые были находимы замерзшими и вновь оживали при оттаивании, казалось подтверждают эту возможность; они даже дали некоторым мечтателям повод предположить, что можно продлить жизнь человека надолго, замораживая его на десятки лет и снова пробуждая к жизни в желаемое время. В дальнейшем изложении мы увидим, что в основе этих фантазий имеется некоторое зерно истины, хотя оно так еще мало, что не позволяет мечтать об операциях замораживания человека. Во всяком случае способность животных переносить те или иные низкие температуры давно привлекала к себе внимание ученых, и первые опыты в этом направлении были сделаны еще в прошлом столетии. Они, правда, не дали вполне определенных результатов и подтвердили ранее существовавшее предположение, что наиболее холодостойкими являются низшие организмы—бактерии, высшие же гибнут при понижении температуры на несколько градусов ниже нуля. В этих экспериментах, собственно говоря, и не было желания достичь состояния анабиоза испытуемых организмов. Вместе с тем они показали, что при значительном охлаждении многие животные впадают в сонное неподвижное состояние, подобное анабиозу при высушивании, и если не произойдет чрезмерного понижения температуры, то снова возвращаются к нормальной жизни. Однако, в этих наблюдениях отсутствовала интересующая нас постановка вопроса, т. е. прекращаются или только замедляются жизненные процессы при замораживании организмов.

Впервые такую постановку опытов мы находим у нашего крупного исследователя анабиоза, профессора П. И. Бахметьева, начавшего свои работы в Софии (Болгария) и продолжавшего их короткое время в Москве. Его эксперименты по сравнению с работами прошлого столетия являются огромным шагом вперед уже потому, что он сумел применить весьма точные методы, которые позволили измерять не только температуру холодильных смесей в служивших для замораживания животных, но и температуру тела испытываемых организмов. Для этой цели он сконструировал специальный электрический термометр, который отмечал малейшие колебания температуры и мог быть введен в тело даже такого маленького животного как, например, бабочка.

Большинство опытов Бахметьева проделал именно над бабочками, их гусеницами и над жучками. Постановка их была обычно такова: бабочку сажали в небольшой ящик, который

ставили в закрытую ванну с холодильной смесью (лед с солью) температуры 12—22°; термометр вставленный в тело насекомого, соединялся тонкими электрическими проводами с регистрирующим прибором. Благодаря такой установке, возможно было не открывая ящика наблюдать постепенное понижение температуры тела животного и прекращать процесс охлаждения в любую минуту, вынимая его из холодильной смеси.

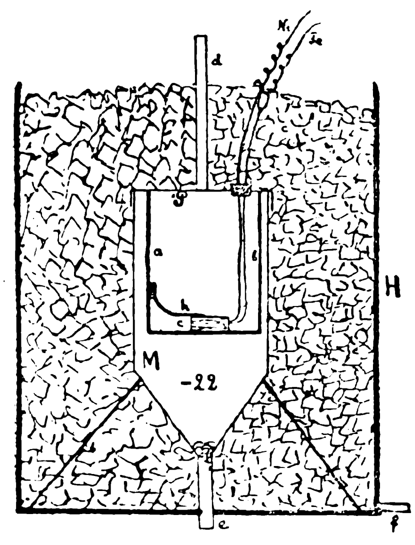

Рис. 1. Аппарат Бахметьева.

В этих опытах Бахметьев открыл прежде всего замечательное явление температурного скачка у охлаждаемых насекомых. Сущность его состоит в следующем: когда при постепенном охлаждении животного температура его тела падает до 9—10°, то вдруг наступает резкое повышение ее до 1—1,5°, а затем опять следует медленное падение. Картину этого оригинального падения Бахметьев изобразил в виде кривой, которую мы приводим на рисунке 2; он даже дал особое название отдельным частям и точкам этой кривой: ту температурную точку, от которой начинается резкий скачок вверх, он назвал **критической точкой** или **критической температурой**, а ту, до которой температура поднимается при этом скачке, обозначил, как **точку нормального замерзания**.

Что же означает это характерное для всех случаев замораживания явление.— Температурный скачок представляет процесс хорошо известный в физике и зависящий от способности жидкости и растворов к переохлаждению, т.-е. к охлаждению ниже нормальной точки замерзания без перехода в твердое состояние. Так, например, поставив в холодильник стакан с водою можно охладить его на несколько градусов ниже 0 и вода останется при этом жидкой, если будет стоять совершенно спокойно, без всяких стремлений; при достижении некоторой определенной температуры или при сотрясении, вся переохлажденная вода сразу превращается в лед, при

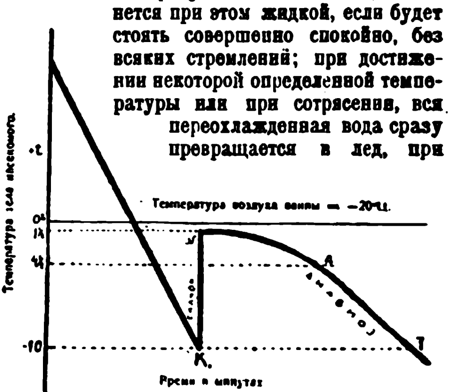

Рис. 2. Температура насекомого при замерзании.

чем температура ее поднимается до 0°, т.-е. до той точки, при которой происходит нормальное замерзание. Поднятие температуры в этом случае, как и в опытах Бахметьева, зависит от выделения теплоты скрытой в переохлажденной жидкости; количество ее всегда таково, что при выделении, при переходе из скрытого состояния в активное, она нагревает воду от точки переохлаждения до точки нормального замерзания, т.-е. до 0°.

Замерзание соков тела насекомых, как выяснил Бахметьев, идет тем же порядком и температура их после переохлаждения поднимается как указывалось до 2—1,5°. Начинающееся от этой точки вторичное охлаждение сопровождается уже замерзанием соков, т.-е. переходом в твердое состояние.

Установив и об'яснив этот процесс, Бахметьев занялся в дальнейшем изучением тех перемен, которые происходят в теле насекомых при описанных изменениях температуры. Оказалось, что в течение первой половины опыта, до наступления температурного скачка, животное хотя и впадает в состояние оцепе-

нения, но вещества его тела, оставаясь жидкими, не испытывают крупных изменений и могут легко возвратиться к нормальному состоянию при нагревании. Во второй же части опыта, т.-е. после поднятия температуры скачком и при продолжении охлаждения, соки начинают замерзать и животное мало-по-малу превращается в кусок льда; однако, пока оно не охлаждается при этом вторично до критической температуры (9—10°) возврат к жизни еще возможен: если же охлаждение вновь доходит до 9—10°, то наступает смерть. Эту смертоносную температуру вторичного охлаждения Бахметьев называет **точкой смерти**.

Из всего толкования Бахметьева важны именно те его утверждения, где он говорит, что при вторичном охлаждении (т.-е. во вторичной половине опыта) все тело насекомого совершенно замерзает при — 4,5°. С этого момента подчеркивает он, в оледеневшем организме не происходит никаких жизненных процессов, и он находится в состоянии анабиоза, которое можно продлить на неопределенное время, если поместить животное в сосуд с постоянной температурой —4,5°.

К сожалению, эти весьма многообещающие опыты были прерваны преждевременной смертью их автора и до сих пор не продолжены никем. Сам Бахметьев на основании их неоднократно высказывал мысль, что применив специальную методику возможно было бы достичь и анабиоза теплокровных животных. По его представлению, возможность эта вполне подтверждается явлением зимней спячки некоторых теплокровных зверей. При спячке, как известно, животные впадают в состояние оцепенения и все жизненные процессы их падают в это время до минимума: — температура с 37° понижается до 10—11° или даже еще ниже (у летучей мыши до 2—3°), сердце бьется редко, дыхание замедлено и т. д. Бахметьев особенно подчеркивает, что в этот период в крови животных накопляется значительное количество углекислоты; именно она, по его мнению, является причиной угнетенного состояния организма и понижения его температуры. Для проверки этих теоретических соображений Бахметьев сумел даже сделать несколько опытов с летучими мышами, находящимися в спячке. При медленном охлаждении их тела удалось понизить температуру его до—4°, а в другом случае даже до—7°, так что все внутренние органы, как обнаружило вскрытие, превратились в ледяные куски. Несмотря на это, вынутая из холодильника мышь постепенно оживала, а у вскрытого животного начинало работать сердце.

Исходя из этих опытов Бахметьев полагает, что каждое теплокровное животное может быть без вреда для жизни заморожено на неопределенный срок. Для этого прежде всего необходимо перевести его из бодрствующего активного состояния в спячку, чтобы понизить его температуру до 10—11° и тем замедлить все жизненные проявления. Искусственное состояние спячки, по мнению исследователей, возможно достичь путем введения определенного количества углекислоты в кровь животного; последнее действительно удалось осуществить, хотя и не в полной мере, французскому физиологу Р. Дюбуа, который, заставляя кроликов дышать смесью кислорода и углекислоты, повергал их в состояние подобное зимней спячке.

Смелые замыслы Бахметьева не осуществились за его смертью, его идеи еще ждут своих работников. Что касается сделанного лично им, то, несмотря на огромный интерес всех его опытов, нельзя считать, что в них был разрешен вопрос анабиоза при замораживании. Предположения исследователя, что насекомые совершенно замерзают после температурного скачка при 4,5°, не доказано. Мы знаем, что вода, в которой растворены какие-либо вещества, замерзает не при 0°, а только при более низкой температуре, и чем гуще раствор, тем больше требуется охлаждения, чтобы превратить его в твердое состояние. Соки тела насекомых также представляют собой растворы различной густоты; Бахметьев, на основании ряда различных вычислений, полагал, что для замерзания их необходимо охлаждение до — 4,5°. Возможно, однако, что его вычисления не совсем правильны и, что часть соков животного при —4,5° остается в жидком состоянии. Другой не вполне разрешенный вопрос касается прекращения химических реакций в охлажденном организме. Бахметьев в своих опытах не проделал специальных наблюдений для того, чтобы определить, насколько полна остановка всех жизненных процессов. В этом отношении возможно только предположить, что некоторая часть соков животного замерзает, а незамерзающие прекращают работу, потому что вода из них вытягивается льдом находящимся в замерзших частях. Иначе

говоря, здесь, как и при полном замораживании, приостановка жизни происходит вследствие высушивания холодом и в зависимости от степени этого высушивания находится способность возврата к нормальному состоянию; если высушивание не перешло нормального предела, т.-е. если химический состав и строение живых белковых соединений не нарушено слишком сильно, то после оттаивания вода снова вернется в них и жизнь потечет нормальным порядком;—когда же вымораживание воды заставляет изменять их структуру, свертываться или распадаться,—жизнеспособность их теряется, наступает смерть.

Сравнивая анабиоз при замораживании с таким же явлением при высушивании без понижения температуры следует припомнить, что последний удается наблюдать только у немногих животных, которые обладают в естественной обстановке их жизни приспособлениями для перенесения засухи. По отношению к холоду мы также можем выделить ряд организмов отличающихся особой холодостойкостью, как, например, некоторые из бактерий. В том и другом случае, как говорилось, главную роль играет высушивание, но в процессе замораживания, несомненно, значительную роль играет также лед, образующийся в тканях организма; при большом количестве его твердые кристаллы могут легко повредить, разорвать нежные стенки клеток и организм погибнет не от холода и не от химических изменений своей плазмы, а от механического повреждения важнейших органов. Вполне понятно поэтому, что многие водные животные, содержащие значительный процент влаги в теле, совершенно не могут выносить замораживания.

Чтобы избегнуть этих нежелательных помех, немецкий исследователь Рали сделал за последние годы ряд опытов, в которых замораживание сочеталось с предварительным высушиванием. Следует признать, что ему удалось достичь удивительных результатов, которые несомненно повлекут за собой дальнейшие успехи в области анабиоза. Он оперировал опять-таки с известными нам коловратками, тихоходками и мелкими червями. Высушив предварительно этих животных в безвоздушном пространстве запаянных стеклянных трубок, он подвергал их максимальному охлаждению до —200—269° при помощи жидкого водорода и гелия в течение 20 месяцев. Несмотря на столь сильное воздействие, все эти организмы вполне сохранили жизнеспособность и при медленном отогревании и увлажнении вернулись к нормальной жизни. Его опыты еще раз подтвердили необыкновенную способность этих организмов сохранять в безжизненном состоянии основные качества своей плазмы.

П. И. Бахметьев не только был тружеником чистой науки, но мыслил и о широком практическом применении своих исследований анабиоза. В печати он неоднократно высказывал ряд соображений о возможности использования анабиотического состояния животных, с целью сохранения их в определенные периоды жизни. Мы приведем здесь некоторые из его идей.

Прежде всего, он обращает внимание на приложение анабиоза насекомых в сельском хозяйстве. При разведении пчел, например, ежегодно приходится платить значительные средства на кормление их в течение зимних месяцев; обычно за зиму хороший улей с'едает меду, рублей на 5, что при большом пчелином хозяйстве составляет не малый расход. Если же перевести всех пчел на зимнее время в состояние анабиоза, то потребность кормления и связанного с ним убытка совершенно отпала бы.

Другое применение анабиоза возможно в области борьбы с насекомыми, приносящими вред культурным растениям. Многие из вредителей наших садов и полей подвергаются нападению со стороны других насекомых, которые пожирают их или их личинки и тем оказывают большую услугу человеку. Однако, не всегда эти союзники человека являются в местности, которая подверглась нападению вредителей; бывают годы, когда вредители размножаются массами, а их врагов почти нет, и, наоборот, случается, что враги вредителей нарождаются во множестве, когда нет пищи для них. Пользуясь анабиозом можно было бы сохранять в прок достаточный запас полезных насекомых и оживлять их, когда это понадобится, для спасения растений от нашествия вредителей. В Северной Америке, независимо от исследований Бахметьева, этот метод уже применяется к насекомым, называемым божьими коровками. Они являются хорошими помощниками садоводов и огородников в деле борьбы с травяными тлями, так как питаются последними. Поэтому каждую осень производится в огромных размерах сбор

коровок, которые собираются на зимовку большими партиями под опавшей листвой; их складывают в специальные ящики и хранят в прохладном месте до следующего лета. При появлении в какой-либо местности большого количества вредителей тлей, туда отправляется транспорт коровок, которые будучи выпущены на волю, пробуждаются и нападают на вредителей. Подобный способ борьбы с массовыми нашествиями вредителей, как показывала практика, дает великолепные результаты и является в то же время более дешевым по сравнению с окуриванием, опрыскиванием и другими старыми методами.

Предполагая, что анабиоз позвоночных животных также вещь вполне осуществимая, Бахметьев намечал и в этой области ряд широких применений его. Легче всего осуществимо, казалось ему, приложение анабиоза в рыбном деле. При огромном потреблении и дешевизне рыбы она сохраняется и транспортируется обычно в мертвом, замороженном состоянии в холодильниках. Этот способ достаточно удобен, но мясо рыбы, как оказывается, при сильном замораживании теряет некоторую долю своих вкусовых достоинств и потому ценится ниже свежей, живой рыбы. Анабиоз позволил бы переводить рыбу в замороженным виде на любые расстояния и оживлять ее на месте потребления по мере надобности. К сожалению, до сих пор не сделано точных опытов в этом направлении, хотя рассказы об оживании замерзшей рыбы можно слышать очень часто.

Еще большее значение для экономики сельского хозяйства и для медицины могло бы иметь по мысли Бахметьева применение анабиоза теплокровных животных. При недостатке корма, при длительных перевозках, в зимний период, словом во всех тех случаях, когда домашние животные не приносят человеку большой пользы и требуют значительных затрат на содержание, возможно было бы сохранять их в анабиотическом состоянии. И, наконец, Бахметьев отмечает еще одну крупную возможность. Туберкулезные бациллы умирают обычно через 2—3 недели при охлаждении их до 6° и через несколько дней при 10°. Если бы возможно оказалось перевести в состояние анабиоза зараженное туберкулезом животное или человека и охладить их до 8 — 10°, то через месяц наверное были бы уничтожены все бациллы, и организм можно было бы вернуть к жизни совершенно излечившимся от страшной болезни.

Все намеченные Бахметьевым практические приложения его открытий, к сожалению, очень долго оставались совершенно неразработанными, также как и чисто научная сторона дела. Со смертью инициатора, горячо преданному своему делу, работа стала и смелые идеи были почти забыты. Лишь в этом году, образовавшееся при коммунистич. академии в Москве, секция точных наук поставила вопрос об анабиозе в число первых трех вопросов, разрешением которых должны заняться создаваемые при ней лаборатории.

Несмотря на то, что многое в явлениях анабиоза для нас еше непонятно, мы уже и сейчас можем использовать данные анабиоза для борьбы с противниками в принципиальных спорах о сущности жизни.

В биологии существует два крупных течения: витализм (от слова вита—жизнь) и механизм. Первый в основе своей имеет идею, что явление жизни обусловлено наличием особой нематериальной и непознаваемой в опытах жизненной силы, второй—обращает всякое существование подобных мистических сил и признает только физические и химические законы, управляющие всеми превращениями живой и неживой материи мира.

Исследование явлений анабиоза дает крупное оружие в руки сторонников механистического воззрения на жизнь. Действительно, если мы представим себе организм пребывающий 20 месяцев в состоянии полного высушивания и при температуре 269°, совершенно лишенный, по нашим законам физики и химии, всяких проявлений жизни, то можем поставить вопрос: есть ли в этом организме „жизненная сила", признаваемая виталистами и, если есть, то почему она не проявляется. И дальше спросим: почему эта жизненная сила проявится только с того момента, как мы отогреем и увлажним наших животных. Ответ ясен — эта „сила" не проявляется потому, что ее нет; а с момента наступления тепла и влажности животное оживает не благодаря этой „силе", а только благодаря возвращению его составных частей в такие физико-химические условия, при которых они могут приступить к своей химической работе.

М. П. Виноградов.

Как разоружается Англия

Имена: „Нельсон" и „Роднэй".
Длина: 220 метров.
Ширина: 32 метра.
Осадка: 9 метров.
Водоизмещение: 40.000 тонн.
Экипаж: 1.200 человек.

Вооружение:

42 сантиметровых орудий (16 дюйм)— 9
15 „ „ (6 „)—12
Зенитных орудий противо-аэроплан.—60

Броня: Башен—33 сант. (13 дюйм.)
Обшивка 30,5 „ (12 „)
Скорость: 40 километров в час (23 узла)

Таковы данные (возможно преуменьшенные) о двух английских военных кораблях, которые в настоящее время сооружаются взамен 4-х уничтожаемых по требованию Вашингтонской конференции.

Мы не знаем точно, взамен каких именно судов строятся эти, но весьма определенно можем сказать, что это будут крупнейшие боевые единицы мира. Если мы сравним вышеприведенные данные с данными наибольших из существующих судов, то получится довольно интересная картина.

Предварительно следует заметить, что „Нельсон" и „Роднэй" должны быть отнесены к линейным кораблям, а не к броненосным крейсерам, ибо, не обладая особой скоростью (если верить цифрам), они тяжело вооружены.

I. Размеры.

До сих пор крупнейшими из линейных кораблей были типа „Королева Елизавета". Длина—198 метров. Ширина—28,7. Осадка—8,4. Водоизмещение—28.500 тонн.

II. Вооружение.

Тип: „Королева Елизавета" 8—38 сант. орудия; 16—15,2 сант. и 12—7,6 сант.

Скорость и броня примерно те же.

Из этого сравнения видно, насколько строящиеся гиганты сильнее существующих.

К тому же, в них имеется несколько особенностей, увеличивающих их боевое значение.

Во-первых, вся крупная артиллерия сосредоточена на носу, что позволяет кораблю, идя навстречу врагу, громить его, не поворачиваясь боком, шестью орудиями из девяти и подставляя в то же время под выстрелы противника минимальную поверхность.

Корма беззащитна, но судно рассчитано не на „благородное ретирование" от неприятеля, а именно на схватку „носом к носу" (хотя бы носы отстояли друг от друга и на 30 км).

Поэтому-то и броня—палубная, особенно, прочна впереди; опыт последней войны показал, что легче всего судно погибает, если его орудия слабо защищены и верхняя броня допускает снаряд противника, могущего попасть в пороховой магазин.

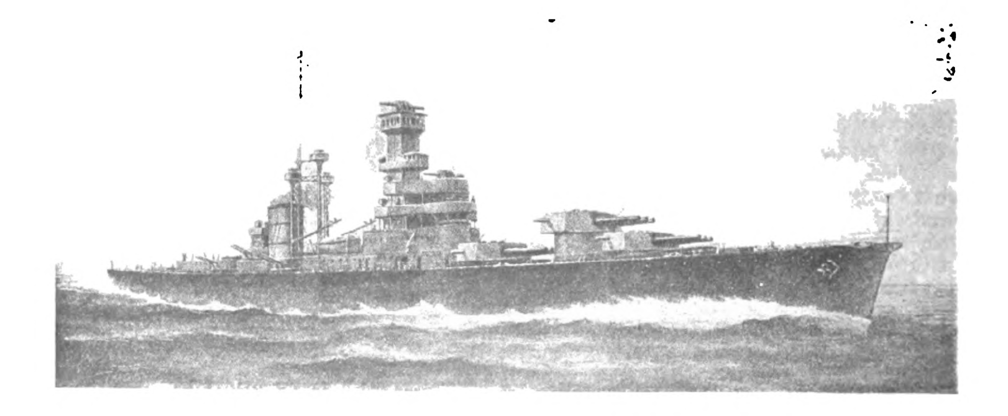
Чтобы тяжесть была распределена равномерно, машины отнесены назад.

Громадная башня—небоскреб с 16-дюймовыми орудиями на ней является новостью.

Оба эти судна должны быть закончены к 1927 г.

Интересно, чем ответит Америка?

Мелентьев.

РАЗВИТИЕ ТЕХНИКИ МОРЕПЛАВАНИЯ

Если значение техники в области производства понятно теперь всем трудящимся нашего Союза, то совершенно нельзя сказать того же самого про технику мореплавания. Несмотря на то, что еще в довоенное время почти две трети ввоза и вывоза товаров производилось у нас морем, на пароходах, широкие массы населения до сих пор почти не знакомы с техникой судоходства. О ней мало кто знает и мало кто понимает то громадное значение, которое имеют для нас отдельные изобретения и усовершенствования. Между тем развитие техники судоходства за последнее время идет ни чуть не медленее, чем любой другой отрасли. Какое это имеет значение видно из следующего примера.

До сих пор все узкости, фарватеры и входы в гавань обставлялись вехами, баканами, огнями для ночного плавания и, на случай тумана, самыми разнообразными звуковыми сигналами, вроде колоколов, сирен и тому подобных простейших приспособлений. Все они в лучшем случае давали возможность кораблям определять свое место относительно мелей и подводных скал, но совершенно не давали указаний на то, куда надо итти. Результатом этого было то, что во время тумана корабли не могли входить в гавани и вынуждены были иногда подолгу стоять на якоре, в ожидании ясной погоды. Бывали случаи, что у входа в гавань скапливалось по несколько десятков больших торговых пароходов с грузом и еще большее количество небольших парусных судов. Все они стояли и непродуктивно теряли время у самого места своего назначения.

В начале этого года был, однако, изобретен особый звуковой прибор, при помощи которого корабли смогли получать указания о том, куда им итти даже и во время сильного тумана. Но для этого на корабле непременно надо было иметь довольно дорого стоющий прибор, а поэтому мелкие грузовые пароходы попрежнему вынуждены были становиться на якорь и ждать.

Прошло менее полугода и теперь в Англии изобретена уже новая система ограждения фарватеров, для пользования которой на корабле не надо иметь никаких приборов; береговые приспособления действуют совершенно автоматически и не требуют за собой почти никакого ухода. Идея этого изобретения чрезвычайно проста.

По обеим сторонам входа или фарватера устанавливаются две станции с сильными звуковыми аппаратами, через каждые 5—10 секунд дающими резкие сильные звуки. На рисунке места таких станций обозначены буквами „А“ и „Б“. Звуки производятся большой мембраной при помощи сжатого воздуха, нагнетаемого в резервуары электромотором. Станции соединены между собой либо беспроволочной, либо обыкновенной проволочной связью и устроены так, что издают звуки одновременно; звуковые аппараты приводятся в действие периодически, либо при помощи, короткой волны беспроволочного телеграфа, либо путем периодического пропускания тока по замкнутой проволочной сети станций. Чтобы нельзя было перепутать от какой станции исходит звук последнее делаются как можно более непохожими друг на друга. Так, например, теперь в Англии для производства опытов применен прибор, производящий отрывистый громкий лай при помощи резких колебаний мембраны под действием внезапно выпускаемых струй сжатого воздуха.

Когда корабль находится по средине между такими станциями, или на равном от обеих расстоянии, (см. на рис. точка „С“ или „Д“), то ясно,

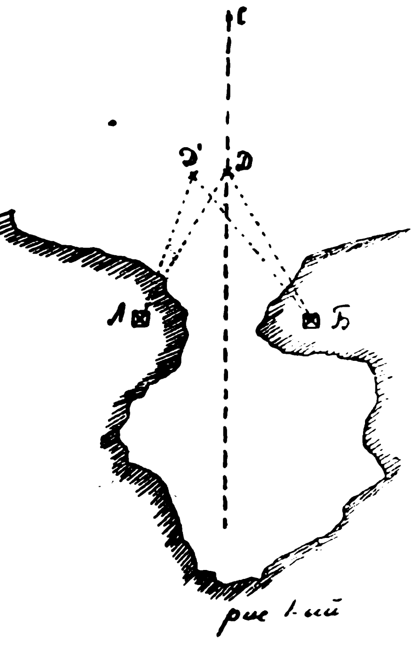
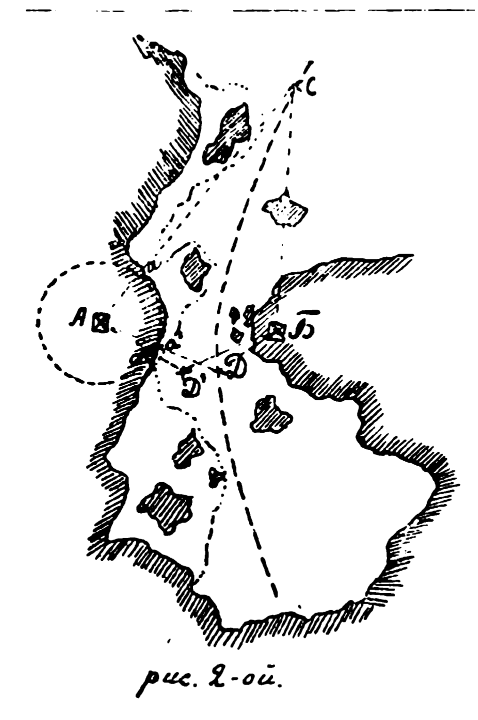

рис. 1-ый

что оба звука будут слышны одновременно; если же расстояние до одной из станций будет меньше, то звук ее будет слышен раньше, чем звук другой. Так, корабль, находящийся в точке „Д“ услышит раньше звук станции „А“, так как расстояние „АД'“ меньше, чем „БД'“. Станции устанавливают таким образом, что правильно идущий корабль все время должен слышать оба звука одновременно. Услышав, что звук одной станции доносится до корабля раньше, капитан корабля сразу же будет знать, к которой станции он подошел ближе, чем надо и, следовательно, в какую сторону надо изменить курс, чтобы выйти на главный фарватер. Благодаря тому, что станции эти издают отрывистые и резкие звуки, их слышно на большем расстоянии, чем обычные колокола, свистки и сирены.

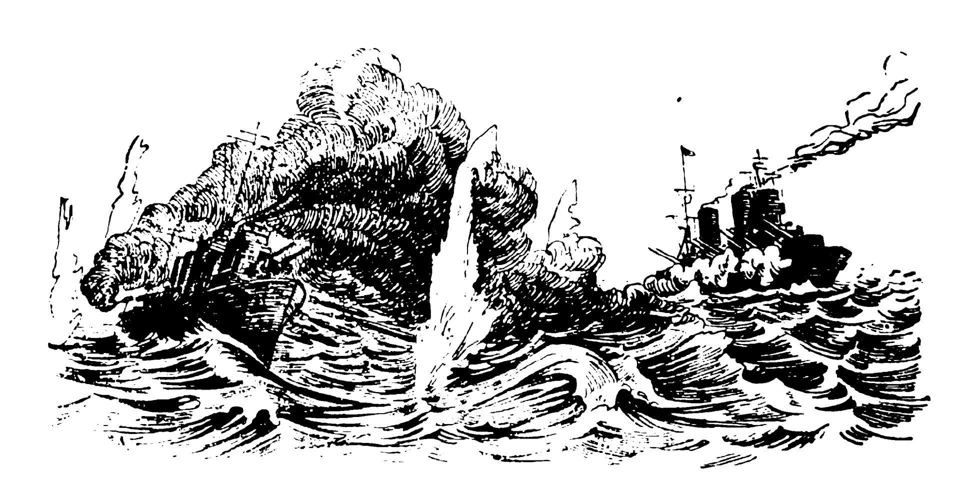

рис. 2-ой.

звук которых усиливается и затихает постепенно.

Если вход в гавань или проход по фарватеру должен производиться не по прямой линии, а по какой-нибудь кривой, то делают так, чтобы одна из станций все время давала звук с небольшим запозданием. Идя так, чтобы и в этом случае слышать звук обеих станций одновременно, корабль будет перемещаться по кривой линии, огибая запаздывающую станцию по кривой, называемой гиперболой; гипербола будет тем круче, тем сильнее изогнута, чем больше запаздывание звука. На рис. 2 изображен такой вход в бухту, затрудненный мелями и требующий движения по кривой линии. Расстояния „АС", „АД" и т. д. соответственно больше расстояний „БС" „БД" и т. д. все времи на одну и ту же величину, то-есть на то расстояние, на которое успевает распространиться звук станции „А" раньше, чем станция „Б" также начнет издавать звук. Таким образом, в тот момент, когда начинает звучать станция „Б", звуку от станции „А" до корабля остается пройти расстояние „аС", „а'Д" и т. д., соответственно равные „БС". „БД" и т. д. Всякое отклонение с правильного пути, например в точку „Д", сейчас же заставит корабль слышать одну из станций раньше (в данном случае станцию „А"), потому что расстояние „а'Д" меньше, чем „БД".

Исправность и правильность работы таких станций проверяется из конторы, не выходя на улицу, при помощи радиотелеграфа или простой проволочной связи. Это изобретение не только облегчает работу судоводителей, но должно сказаться и на удешевлении пароходных фрахтов, так как прекращает потерю времени на бесцельные простои в случае тумана.

Воган.

НАШИ АЛЬМАНАХИ.

Альманах „Красная Новь" № 1. Произведения более чем двадцати авторов различнейших толков и направлений наполняют книгу. Открывается сборник „Рассказом о голубом покое" А. Соболя—автора в литературе не нового. „Рассказ"—легкая и веселая повесть из быта западно-европейских снобов, чья курьезная, пустая и порой лицемерная мораль метко очерчена автором. (Какими далекими и чуждыми кажутся нам эти люди, их мысли и чувства! Каким быльем поросло для нас это недалекое прошлое, которое является живым сегодня для зарубежной жизни!) Весь рассказ написан с непринужденной легкостью, которая удачно сочетается с внутренним содержанием рассказываемого. Соболь дает ряд ярких образов, умело перемежая выпуклую, почти гротескную штриховку с трогательно-сентиментальным рисунком. Легкая ирония и шарж придают „Рассказу" некоторую, правда салонную, остроту. Художественные достоинства его ординарны.

Другое, по существу единственно крупное, произведение сборника—повесть А. Караваевой „Берега". Подобно Либединскому Караваева живет в теме. Она значительна не столько в отношении художественной обработки материала, сколько в умении выделить нужный мотив и развить его до пределов подлинной общественной значимости.

Герой „Берегов" красноармеец и боец Андрей Сушков, а в прошлом лакей в доме богатых фабрикантов Перебоевых — тип деклассированного пролетария, который всю жизнь не может избавиться от своей собственнической и мещанской сущности. Он идет в ногу с революцией, до тех пока она не препятствует его личному благополучию. Он готов отдать свою жизнь Красной армии, но требует, чтобы революция расплачивалась с ним наличной монетой. Он стремится к личному благоустроению с безсознательностью человека, которому чужды интересы массы. Во время реквизиций он утаивает драгоценности, считая, что это его право наследника новой жизни. Он обеспечивает ими свою любовницу, и уезжая на фронт, он уже имеет за собой прочно свитое гнездо благополучной семейной жизни. По возвращении с гражданской войны, найдя свой очаг развороченным вторжением нового хозяина, Сушков обнаруживает подлинную свою сущность. Она оказывается сущностью люмпен-пролетария, в котором прорвавшаяся личная злоба гасит всякий классовый инстинкт. Стихия эгоистической ненависти мешает Сушкову воспринять действительность, пришедшую на смену военному коммунизму. Новая борьба, в которую вступила партия, оказывается не под силу нездоровому с самого начала организму Андрея. Волна звериной ненависти к личным своим врагам захлестывает его, рвет последние скрепы партийной дисциплины, бросает в босяцкую жизнь, кончающуюся самоубийством.

Тема „Берегов" не нова. Вопрос о трудностях борьбы рабочего класса в мирных условиях и о необходимой на этот случай перестраховки нередко разбирается в нашей литературе. Караваева разработала эту тему на фоне личной человеческой трагедии. Но и здесь она сумела показать непрочность классовой преданности при отсутствии социальной связи с классом для которого рискуешь жизнью. Масса и коллектив еще не живут в повести Караваевой. Автор сосредоточивает свое внимание на личной драме Сушкова, которая является в то же время трагедией общественного отщепенца. Неверно дает Караваева описание коммунистической верхушки. Преувеличена бездушность партийных руководителей, наделенных железной волей и както нарочито чуждых личной жизни товарища. Это не верно. Ведь каждый партиец знает, что партийное руководство заключает в себе и товарищескую ободряющую помощь.

Обращают на себя внимание в отделе прозы два небольших, но крепко сколоченных рассказа: „Вражда" Л. Завадовского и „В лесу" А. Смирнова. Оба рассказа написаны лаконично, насыщены действием, которое развивается на протяжении нескольких страниц с твердой и будоражащей последовательностью и силой. Простые темы, из которых особенно несложна вторая—убийство лесника на фоне ликующей безмятежной природы—разработаны талантливо. Помещенные в „Альманахе" рассказы Бибика, Романова, Бабеля и утомительная повесть Четверикова усиливают пеструю расцветку и без того поверхностно пестрого сборника. Тусклым бисером в изобилии пересыпаны стихами страницы прозы. Ни привычная меланхолия Есенина, ни мало оригинальные стихи Маяковского не служат к украшению отливающего всеми цветами „Альманаха."

* * *

Альманах „Прибой" кн. I.

Остановимся на беглом рассмотрении литературно-художественного альманаха „Прибой". Наиболее значительная и интересная повесть сборника „Комиссары" Ю. Либединского получила свое освещение в номере 10 нашего журнала, в статье Г. Горбачева.

„Комиссары" значительная повесть из жизни партийного актива в его трудной работе самоусовершенствования. Значительность и трудность темы, разработанной в „Комиссарах", несомненно, искупают некоторую протокольность и сухость художественной манеры новой вещи молодого беллетриста.

Если в „Комиссарах" взята, по выражению Зорича, „большая тема о трудности перехода с рельс военного коммунизма на рельсы углубленной и настойчивой работы", то другая стержневая вещь альманаха „Крестьянская война" Алексея Окулова рассказывает о старом, давно знакомом, перепетом всеми попутчиками и пролет-писателями. Сибирская крестьянская партизанщина оживает в талантливой

повести Окулова. Автор лишний раз подтверждает, что уже ставшая ординарной тема может быть пересказана по новому и новыми нужными словами.

Выгодно отличает Окуловскую „Крестьянскую войну" простота повести, спокойная реалистическая манера рассказа. В стихотворном отделе выделяются не Безыменский и Панфилов, а Орешин своей интересной с бытовой стороны „Деревенской поэмой". Говорить о других авторах сборника, в частности о П. Романове и его заслуживающих вдумчивой критики „Рассказах о любви" не позволяют размеры настоящего обзора.

* * *

„Перевал" № 3.

Сами „Перевальцы" представляют себя, как „об'единение рабочих и крестьянских писателей, ставящих своей целью художественное оформление действительности и целиком связывающих свои судьбы и задачи с задачами и судьбами революции".

Недавно вышедший сборник группы показывает, что намеченную задачу авторы „Перевала" осуществляют по мере сил своих. Выгодно украшает книгу то, что в ней собраны произведения исключительно молодых писателей, из которых отдельные представители обладают недюжинными способностями. В этом отношении третья книжка „Перевала" наиболее показательна: большинство помещенных в ней произведений интересны и оригинальны.

В деревенском цикле выделяется большой рассказ Б. Губера „Шарашкина контора". Его темой служит личная драма городской девушки, попавшей в деревенскую глушь. Материальная необеспеченность бросает ее в лапы нелюбимого мужа, сельского кулака, чья звериная жестокость окончательно переламывает молодую женщину. В последнюю минуту приходит спасительное слово из города и новая городская жизнь вспыхивает надеждой для измученной Зины. Автор не дает общей картины современной деревни. Он берет одну ее сторону, а именно кулацко-торгашеский быт и для этого рисунка находит спокойные и жуткие тона. Несмотря на такую суженность перспективы столкновение двух разнородных культур—городской и деревенской—намечено правильно. Вероятно молодость автора не позволила ему придать более значительный характер взятой теме. Личные переживания героини скрыли от авторского взора и социальное расслоение деревни и борьбу старого и нового быта. Все эти важные явления без которых невозможно глубокое и верное описание современной деревни, даны в рассказе лишь в виде слабого сопроводительного аккомпанимента к главной теме. Она же разработана сильно и уверенно.

Пьяным весельем полон небольшой рассказ Костерина „О веселом мужицком попе". Крепкая словесная сила в конец забивает несложный сюжет и рассказ вырастает до размеров интересной вещи только благодаря сочному, горящему языку, близкому к языку А. Веселого. В языковом отношении интересно также „рассказка" В. Ветрова „Лихоманка". Произведения обоих авторов служат причудливым преддверием к наиболее блестящим страницам сборника—известной по Лефу „Вольнице" А. Веселого. Этот совсем молодой писатель обладает удивительной способностью изливать слова какой-то огненной, кипящей силой и затем мастерски подчинять их себе и сводить в яркие картины. Но взбесившаяся конница слов, лишенная на первый взгляд порядка и логического смысла, безудержно несущаяся вперед и вперед замечательно передает говор и мятеж толпы, „пыл, орь, ярь". Этот язык не годится для интимной речи, но зато он так хорош для криков разгульной площади, для той пьяной, бесшабашно храброй, анархически настроенной матросской массы, которая в 18 году с разбойными песнями отстаивала некоторые участки фронта. Это язык безшабашной молодости, здоровья и торжествующих мускулов. Если Артем Веселый сумеет овладеть своей языковой стихией настолько, чтобы писать любую нужную ему тему, перед нами будет художник крупной величины.

В отличие от большинства других альманахов стихи „Перевала" отличаются тем же молодым задором, четкостью и незаурядностью. Таковы „Ночные встречи" М. Светлова, сочетающие острую злободневность с твердой выдержанной формой, значительное по содержанию стихотворение М. Голодного „В стране Советов", любопытный отрывок Е. Эркина „Ветер на войне". Только попрежнему положительно курьезны крестьянские гекзаметры Акульшина. Мы сознательно не касаемся „Декабристов" Марианны Яхонтовой, интересной большой пьесы, заслуживающей особого рассмотрения. Последние страницы сборника отведены литературно-критическому отделу, который носит подчеркнутый общественно-публицистический характер. Это ценно и новый отдел составлен живо и наполнен той же бодрой, бурлящей молодой силой, что и весь альманах.

* * *

„Стройка" книга 2-ая, Альманах ЛАПП.

Время, прошедшее с момента издания первой „Стройки" выгодно отразилось на содержании второго Альманаха. Лапповцы выросли, произвели смотр своим силам, кой-кого повычистили, а кое-кто и сам во-время оставил перо. Был и остался самым значительным лапповским писателем М. Карпов. В нем соединяется несомненное творческое дарование с вдумчивой работой над формой. До сих пор Карпов особенно охотно обращается к деревенской теме, так как деревня—духовная родина писателя. Эти темы он разрабатывает без нарочитости, разнообразно, обнаруживая знание деревенского быта, умея рассмотреть в нем и более глубокие напластования. Вместе с тем Карпов отнюдь не фельетонен. Как правильно было отмечено, он уже перешагнул черту ограниченного бытовизма и теперь нередко образ вырастает у него до значительной величины, перерастая первоначальное задание. Так случилось, напр., с рассказом „Мой дедушка", который, благодаря фигуре „дедьки Гаврилы Федорыча", превратился в одно из наиболее удачных произведений Карпова. Радостно в Карпове и то, что он не боится лирики. Большая легкость и теплота придают его творчеству художественную и подкупающую искренность, которая отнюдь не мешает идеологии рассказа, чего так боятся другие, менее талантливые лапповцы. Поэтому Карпов одинаково хорошо рассказывает о детях, о психологии животных, ему прекрасно удается любовная лирика, которая у Тверяка, например, до сих пор почти всегда безвкусна, неубедительна и груба. Карпов умело сочетает в себе

бодрые настроения и здоровую сущность пролетписателя с мастерством начинающего художника, который уже проявил себя с сильной стороны. Старается писать Карпов просто. Поучиться бы у него Кологривскому, у которого „весна в бедрах вытанцовывает дрожь вязкую".

Тверяк лишний раз обнаружил, что у него есть определенная литературная хватка, умение выбрать интересный материал, непринужденно разработать его. Отрывок из „Трактора", написан живо, занимательно и много лучше безнадежно унылой „Директорши" из того же романа.

Сумбурные „Заросли" указывают на определенное писательское дарование у Кологривского. Когда он освободится от словесного многословия и от многословия внутреннего, затемняющего основной смысл—творчество его очистится и выиграет. Но уже сейчас видно, что по отношению к рассказу, помещенному в первой „Стройке" Кологривский сделал значительный шаг вперед. Там эпизод, здесь—попытка развернуть большое полотно. У Кологривского есть желание к широкому охвату темы, ее разносторонней разработке. Он не запутывается в материале, хотя часто захлебывается в словах. Усиленная работа может несомненно помочь Кологривскому стать в уровень с Карповым.

Размеры настоящего обзора позволяют нам лишь самым беглым образом рассмотреть поэзию Лаппа.

Основные поэты Лаппа — Панфилов, Саянов и Васильев — находятся приблизительно на одном уровне. Формально наиболее силен Саянов. Он достаточно уверенно владеет стихом, давая иногда последнему тонкую отделку. Он умело пользуется ритмом для передачи нужного ему настроения. Панфилов интересен острым выбором темы, но в разработке стиха есть у него какая-то неряшливость, точно в последнюю минуту автору лень было прочитать написанное. С этой стороны показательна, например, „Лебеда". Стихи, помещенные во второй „Стройке" разнообразны по содержанию, но в общем менее удачны, чем другие произведения Саянова. Васильев подкупает простотой своих тем. Он не гонится за внешне эффектными положениями. Когда обращается к разработке лирической темы умеет наполнить ее искренностью, трепетностью.

В рецензируемой „Стройке" представлены оба „старших" поэта Лаппа: Самобытник—чудесным стихотворением „Хозяйка" и Крайский—трагической агитационной „Повестью о солдатских костях, похороненных в Турции".

Мих. Майзель.

Роберт Трессоля. „Оборванные филантропы". Перевод с английского С. Цедербаум. 133 стр. тираж 5000 экз. Изд-во ВЦСПС Москва. 1925. Ц. 90 к.

„Оборванные филантропы" — роман из жизни английских строительных рабочих, со всеми ее противоречиями и бедами — недостатком работы, конкуренцией, низкой оплатой труда, издевательством подрядчиков, постоянным страхом лишиться куска хлеба и вечной нищетой. Конечно, к этому произведению нельзя пред'явить больших художественных требований. Фабула романа не развернута, находится в зачаточном состоянии; диалог, зачастую, не играет никакого самостоятельного значения и служит автору только для изложения своей теории, при чем „герой" формулирует ее, а реплики слушателей направляют изложение этих взглядов в нужном Трессоллу направлении. Также трудно было бы найти здесь какой-нибудь глубокий психологический анализ. Автор просто хотел показать — и показал — всю несостоятельность идеологического багажа той части пролетариата, которая думает ужиться в условиях капиталистического производства, которая еще недоросла до понимания необходимости классовой борьбы и защищает институт частной собственности на средства производства, землю и пр. Эта часть пролетариата является тормозом на пути продвижения к коммунизму и против нее направлены острые меткие стрелы авторского сарказма. Все рабочие, настроенные анти-социалистически, в этом романе рисуются „оборванными филантропами", которые в поте лица выполняют „благородную" и „бескорыстную" миссию—обогащение капиталистов.

Ясная идея, четкие типы и простота изложения — все эти основные качества романа делают его достойным внимания самого широкого круга читателей, которые попутно ознакомятся с условиями жизни рабочих в такой „демократической" стране, как Англия.

Б. С-в.

„**Звезда**". Литературно-общественный и научно-политический журнал. № 4 (10), ГИЗ. Ленинград. 1925.

„Звезда" — один из немногих толстых журналов, которые смогли об'единить вокруг себя революционный литературный молодняк. Правда, „Звезда" печатает не одних только пролетарских писателей. Но попутчики, печатающиеся в „Звезде" — это именно те, которые, говоря образно, чувствуют воздух эпохи. Таков, к примеру, Б. Лавренев, продолжением большого своего романа открывающий четвертую книгу „Звезды". Говорить о „Крушении республики Итль" конкретно можно будет только тогда, когда появятся заключительные главы романа. Пока отметим только, что в романе чувствуется произведение большое и крепкое. Из остальных беллетристов можно отметить Вас. Андреева, давшего свежий, непосредственный рассказ „Славнов Двор". Андреев показывает ряд детских типов, в которых проступают яркие черточки их будущего. Рабочий подросток Рыжик, маленький деспот, сынишка морского офицера Толька, будущий интеллигент Веня... Некоторые отдельные места, как, например, появление Рыжика, сделаны несколько утрировано. Но в общем рассказ оставляет хорошее впечатление. Не плохо сделан рассказ М. Чернокова „Крутая ступь". Рассказ И. Гольдберга „Круг", как ни странно, на этот раз ниже его обычного уровня. Сюжет „Круга" надуман. „Круг" не оставляет целостного впечатления. В. Саянов, молодой пролетарский поэт, с каждым стихотворением явно растет; плохо только, что на пути этого роста попадаются формальные срывы. Но Саянов чувствует свой материал — а это уже показатель роста. С Саяновым интересно сравнить другого молодого поэта, Ник. Брауна, который тоже обнаруживает быстрый, упористый „шаг". Браун растет именно за счет усвоения глубокой стиховой культуры. В лите-

ратурно-критическом отделе журнала мы находим интересную статью Г. Горбачева „О творчестве Бабеля и по поводу его". В научно-популярном и политическом отделе встречаем интересную статью проф. Державина. „Новое направление в истории культуры и языка", статью Сен-Катаямы „Монгольские впечатления" и др. Очень любопытны очерки Леонида Чернова „Под тропиками на советском корабле".

Зел. Ш.

„Красная Новь". Литературно-художественный и научно-публицистический журнал. Гос. Изд., М. 1925. Кн. 8-ая.

Очередная книга „Красной Нови" не дала ничего яркого в литературном отделе. Рассказ С. Быстрова на антирелигиозную тему выполнен не плохо, но тема эта требует более умелого и художественно-зрелого подхода к себе; иначе легко впасть в банальность, как и случилось с Быстровым. Рассказ П. Романова — прекрасного бытовика-юмориста — относится к числу редких для него попыток лирики, и потому слабее многих других его вещей. Бледны и маленькие рассказы В. Пузанова. Центральное место в литературном отделе занимает продолжение романа Ал. Толстого „Гиперболоид инженера Гарина". К сожалению, роман этот является лишним доказательством того, как растрачивает А. Толстой свой большой талант на произведения, которым даже и не место в „Красной Нови", — настолько явно рассчитаны они на худшие литературные вкусы нашего времени. Это — наспех сделанный авантюрный роман, в котором нет ничего нужного и интересного для рабочего читателя.

Историко-литературный и публицистический отдел гораздо содержательнее. Жаль, что В. В. Старков дал всего шесть страниц воспоминаний о Ленине, но и эти страницы интересны для характеристики Владимира Ильича. Ценны воспоминания Иванчина-Писарева о Г. Успенском. Не менее интересны и воспоминания Барсукова о Г. И. Котовском, дающие яркую картину его революционной деятельности.

Из других наиболее интересных статей отмечу статью Боровского „Психология без инстинктов", направленную против попыток об'яснения поведения животных инстинктом, как каким-то своеобразным „вариантом души", и статью Н. Юргина „О новаторстве в художественной литературе". Говоря о „новаторстве", автор имеет в виду искания только в области „формы" и „приемов". Но не следует ли новаторство формы не отвлекать от содержания (много уже было грехов в этом направлении!), а, наоборот, рассматривать то и другое, как находящееся в неизбежном взаимодействии?

Г. Никольская.

Л. Войтоловский. „По следам войны". Ленгиз. 1925. Т. I. 200 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Книжка Войтоловского представляет огромный интерес как для историка, этнографа, так и для рядового массового читателя. Это „походные записки" 1914 — 1917 г.г. — дневник человека, почти все время находившегося в действующей армии и, благодаря своему положению (врач артиллерийского парка), имеющего возможность наблюдать различные слои армии — от рядовых до генералов, и главное, сейчас же, немедленно, записывать эти наблюдения. Конечно, только благодаря своевременной записи, могли сохраниться приводимые им, исключительно интересные, колоритные бытовые картинки, пословицы, диалоги и песни; книгу Войтоловского можно сравнить, пожалуй, лишь с двумя книгами русской литературы: первая — это „Записки" Вересаева о русско-японской войне, имевшие большое общественное значение в свое время. Вторая книга, с которой можно сравнить труд Войтоловского, это — Федорченко „Народ на войне" — но там лишь собраны (как учёным исследователем) песни, пословицы, поговорки, замечания, мысли „народа на войне"; наблюдений самого автора мы совершенно не видим, и поэтому книга Федорченки делается собранием-сборником, который можно читать с начала к концу и наоборот. Войтоловский же хотя и не дает такого большого материала народного творчества, но преподносит его читателю на фоне своих впечатлений и наблюдений, с другой стороны излагает события в хронологической последовательности. Все это делает книгу Войтоловского как-бы сюжетной, как роман приключений, преподнесенный в виде дневника и читаемый с неослабевающим вниманием. Всячески рекомендуем читателю обратить на нее внимание, а издательству скорее выпустить два следующие тома и снизить на них цену, ибо 2 р. 50 к. цена для большинства читателей недоступная.

Ген. Фиш.

„Декабрь 1905 года на Пресне". Сборник статей и воспоминаний под ред. В. Невского. Москва. Гиз. 1924 г., 188 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Опубликованные в настоящем сборнике статьи и воспоминания руководителей славного восстания московского пролетариата и его рядовых участников правильно сходятся на том, что восстание было естественным этапом, кульминационным моментом начатой в 1905 году пролетариатом борьбы. Недостаток вооружения у восставших, плохая военно-техническая подготовка к восстанию, неумение своевременно использовать колеблющееся настроение среди солдат московского гарнизона, на которых даже царские генералы твердо не полагались, неопытное руководство со стороны партии и плохо налаженная связь между отдельными районами восставших — предрешили роковой исход борьбы.

Несмотря на подавляющий перевес вооруженных сил царизма, рабочий район Москвы — Красная Пресня, благодаря мужеству своих борцов, оставался, однако, в течение целой недели неуязвимой крепостью, очищенной от слуг самодержавия.

Печальной памяти оценка декабрьских событий в Москве Плехановым, сказавшим, что „не нужно было браться за оружие", получила в свое время должный отпор от т. Ленина. Филистерская оценка эта тем более бросается в глаза при чтении этого сборника.

Тов. Виноградов, один из начальников дружин, характеризует события следующим образом: „Декабрь 1905 года явился закваской, дрожжами, влитыми в бесформенное тесто рабочих масс рукой сознательного пролетариата России. 12 лет шло преобразование народной психологии, и результаты получились превосходные: химический процесс проник до самой глубины во все углы массы и самым коренным образом преобразовал ее. В 1917 году „помазанник", „батюшка" и вся правящая команда одним ударом метлы, как куча мусора, были сброшены с дороги. За первым победоносным ударом революции последовал второй, и вот в кровавых муках пред нашими глазами протекает рождение коммунизма" (стр. 68). В этом великое значение декабрьских событий 1905 года.

На-ряду со статьей т. Виноградова, дающего прекрасный анализ московского восстания и его значения в истории пролетарской борьбы, следует отметить статьи тогдашнего организатора Московского комитета т. Доссэра и начальника дружин т. Костицына, с большой ясностью и точностью знакомящие нас со слабыми сторонами организации восстания, с ошибками его руководителей. Основной из этих ошибок является тактика обороны, которой держались руководители восстания вместо решительного наступления на врага, морально дезорганизованного и в первый момент растерявшегося.

Воспоминания т. Николаева, носящие автобиографический характер, представляют собою характерный исторический документ, рисующий жизнь недюжинного революционера-рабочего, пришедшего к восстанию на Пресне, а от Пресни к восстанию в Октябре.

Очень интересны воспоминания секретаря боевого штаба дружин т. Наташи и работницы т. Салтыковой, рисующих роль работниц в восстании, своим активным участием в борьбе оказавшим огромную поддержку восставшим. Бывали случаи, когда казаки и солдаты, готовые выполнить приказ своих офицеров стрелять в восставших, немедленно ретировались, пристыженные мужественным выступлением работниц.

Все авторы воспоминаний сходятся на оценке восстания, как стихийного явления, которым была охвачена значительная часть пролетариата Москвы, рвавшегося в бой, несмотря на отсутствие оружия и плохую организационную и техническую подготовку.

Л. Г.

Лепешинская, А. В. „Книга для чтения по истории 1905 года". Изд. „Прибой". 1925. 312 стр.

Двадцатилетний юбилей первой русской революции вызвал появление многочисленной литературы, посвященной 1905 году.

Среди всей этой массы литературы преобладающее место занимают материалы и документы, относящиеся к эпохе первой русской революции, воспоминания об отдельных моментах, и, наконец, популярные брошюры, дающие картину революции 1905 г., в весьма сокращенном, а вследствие этого порой и в упрощенном изложении.

Но необходимы и общие работы, подводящие итоги первому боевому выступлению российского пролетариата. В этом отношении в некотором роде их заменяющими являются хрестоматийные сборники. К числу таких сборников относится и рецензируемая книга. В ней охвачены почти все стороны первой русской революции. Сборник разбит по отделам, заключающим тот или иной вопрос; внутри отдела материалы расположены в хронологическом порядке.

„Цель книги—дать общее представление о ходе революции 1905 года, ее освещение и обоснование прогноза и тактики ленинцев. Давая в качестве стержня работы, статьи и речи В. И. Ленина, составительница пытается оттенить их иллюстративным, фактическим материалом и противопоставить им, по всем кардинальным вопросам момента, путанную, по существу контр-революционную, точку зрения оппортунистического крыла социал-демократии". Исходя из поставленной составителем книги задачи необходимо отметить, что она выполнена им вполне удовлетворительно и материалы подобраны более или менее удачно.

Не во всех главах и отделах равномерно представлен тот или иной материал: в одних отсутствуют документы или архивные материалы, в других, наоборот, сводные статьи; это является некоторым, правда небольшим, недочетом книги.

Хорошо освещен вопрос о советах, их организации, участии их в восстании и т. п., приведены интересные документы (финансовый манифест Петерб. Совета, воззвание Моск. Совета о вытребовании вкладов и др.). То же самое нужно сказать и о декабрьском востании, об отделе „Провинциальные Советы в восстании" и „Крестьянское движение". Придавая большое значение военному вопросу в революции 1905 года, составитель уделил значительное внимание революционному движению в армии и во флоте.

Интересен отдел „Самодержавие расправляется с революцией" с приведенными выдержками о погромном движении о займе для подавления революции и т. п.

Последний отдел „Оценка революци и политические уроки 1905 г." представлен рядом статей, как российской (фракциями большевиков и меньшевиков), так и международной социал-демократии (Меринг, Р. Люксембург, Р. Хольст).

Основное впечатление о книге, как о добросовестно составленном и интересном сборнике, с которым следует ознакомиться каждому интересующемуся революционным движением читателю.

А. Самойлов.

Е. Коц. „Декабристы" Изд. „Прибой" 1925. 80 стр.

Рецензируемая книжка является популярным очерком, излагающим историю возникновения движения декабристов и описывающим выступления 14 декабря и восстание в Черниговском полку.

Автор успешно справился со своей задачей—дать доступное пониманию широких масс читателя, изложение событий, связав последнее с классовыми отношениями описываемой эпохи.

Е. Коц начинает изложение с характеристики дворянской монархии, останавливаясь на эпохе

Александра I, бывшего либералом на словах и типичным феодалом-самодержцем на деле. Автор указывает на роль военных поселений и жестокого режима в армии, как на факторы, способствовавшие нарастанию недовольства в армии, выясняет основные причины, вызвавшие движения декабристов и дает характеристику, правда, в общих чертах, всех Обществ декабристов, (Северного, Южного и Общества Соединенных Славян), об'ясняя взгляды их членов принадлежностью к тому или иному общественному классу. Наиболее демократичными и способными к проведению революции оказались как известно, члены Общества Соединенных Славян. В основном же декабристы оказались революционерами фразы, испугавшимися подлинного народного движения. Они „простояли" свою революцию и дали возможность самодержавию разгромить движение.

Но недостаточно указать, как это делает автор, на неумение декабристов связаться с народной массой. Декабристы не только не хотели и не умели, но и не смогли бы действовать вместе с народными массами; их интересы были противоположны интересам крестьянства; немногие из декабристов высказались за освобождение крестьян с землей; большинство из них крепко держалось за свои земли, а, следовательно, и за монархию, обеспечивающую им владения таковыми.

Необходимо отметить и другие неверные положения. Автор указывает, что в стихах „Наш скорбный труд не пропадет, из искры возгорится пламя"—„декабристы сами определили свое значение в истории русской революции". Это верно! Но, что „пролетариат подтвердил это, выбрав именно эти слова эпиграфом и заголовком для своей газеты (речь идет о лозунге газеты „Искры"—„Из искры возгорится пламя")—это не верно! Не этими общими словами пролетариат подтверждает свою преемственную связь с революционным движением прошлого столетия.

Точно так же неверно приводимое автором сравнение между „избранными от войска депутатами" и Советами Солдатских Депутатов в 1917 г. (25 стр.)

Несмотря на эти частные ошибки и некоторые упрощения, эта легко написанная книжка может быть вполне рекомендована для массового распространения.

А. С.

П. Краснов. „На внутреннем фронте". Изд. „Прибой". 1925. 128 стр.

Воспоминания одного из генералов контр-революции П. Краснова является дополнением к тем многочисленным мемуарам и работам белогвардейцев, в которых описывается период либо незадолго до Октябрьской революции, либо сама революция с вытекшей из нее гражданской войной. Последний период освещен в белогвардейской литературе полнее. И в этом отношении воспоминания П. Краснова, посвященные походу казачьего корпуса на революционный Петроград дают весьма интересный, хотя и не лишенный значительной доли суб'ективных оценок, исторический материал.

Одним из любопытных моментов, освещенных Красновым, является описание разложения армии. Краснов подмечает лишь факт разложения, не желая заметить социальной основы этого явления. Все зло, по мнению Краснова, заключается в тылу. Митинги, агитаторы, солдатские комитеты действовали разлагающе на казачьи части, соприкасающиеся с тылом. В разложении армии автор винит и Совет Раб. и Солд. Депутатов за его приказ № 1. Этот приказ, якобы, уничтожил всякую дисциплину и толкнул солдатскую массу на беззаконные выходки против офицеров. Краснов искренно удивляется желанию солдат быть такими же, как офицеры, в смысле признания за ними тех же гражданских и политических прав.

Разложение в армии было настолько велико, что Краснов находит необходимым „как можно скорее, пока можно, заключить мир и уводить и распределять по своим деревням эту сошедшую с ума массу". А затем, конечно, установится „порядок", при помощи надежных частей начнется обработка деревни и снова будет создана дисциплинированная армия. Как видит читатель, перед нами не лишенный проницательности контр-революционер.

Краснов ненавидит двоевластие, установленное после Февральской революции; он сторонник диктатуры. „Постольку — поскольку" — в этом выражении он дает характеристику момента. И когда его спросили о надежности его частей, вызванных для усмирения Красного Питера, он ехидно замечает, что ему пришлось для ответа снова прибегнуть к „проклятому постольку—поскольку".

Краснов пытается отвлечь казачьи части от революции улучшением хозяйственных забот о ней, вводит беседы с офицерами и старшими казаками,—словом, пытается сорганизовать что-то вроде „школы политграмоты контр-революции". Но все его попытки не достигают цели. Разложение начинается и среди казаков. Выступление Корнилова кончается неудачей. Против него выступили даже те солдаты, которые ненавидели и Керенского. Краснов отмечает, что это произошло потому, что солдаты были убеждены в получении мира от правительства Керенского; когда последний отказался от „мира по телеграфу", солдатская масса отшатнулась от него. „Мир по телеграфу" дали большевики и солдатская масса пошла за ними, — заключает Краснов. Вместе с тем Октябрьские дни Краснов воспринимает, как простые беспорядки и становится во главе войск, идущих на Петроград. Описание этого похода дает яркую картину разложения воинских частей у Краснова. „Командующий армией" собирает ели-ели семьсот штыков. Присутствие Керенского не помогает делу. Весь поход Краснова превращается в фарс. По мнению Краснова, везде воцарился хаос — и у своих и у противника. Но почему, несмотря на хаос, побеждают все же большевики? Это остается без ответа, ибо Краснов, несмотря на свою проницательность в отдельных вопросах политики, просто не понял взаимоотношения классовых группировок в начавшейся гражданской войне, равно как и не понял причин, приведших к Октябрю.

Книга, снабжена кратким, но дельным предисловием т. Пионтковского.

А. С.

В. Лазарев. „Вопросы организации производства". ЦУП ВСНХ СССР. Москва—Ленинград. 1925. 50 стр. Цена 35 коп.

Поскольку борьба за повышение производительности труда приводит к вопросу об организации производства и ее рационализации, пределы этой борьбы столь же бесконечны, как бесконечны возможности улучшения и усовершенствования в нашей промышленности, вступившей в полосу под'ема. С этой точки зрения повторение уже неоднократно высказанных положений, ставших элементарными истинами, упорное напоминание о них рабочим массам лишь полезно. Полезна поэтому и настоящая брошюра, в популярной форме возвращающаяся к уже ранее освещенным в нашей производственной и экономической литературе вопросам организации производства. Указывая, насколько еще низка производительность труда на наших заводах, по сравнению с западноевропейскими, автор увязывает этот вопрос с вопросом о стандартизации и нормализации, т.-е. о постепенном сокращении типов и сортов товаров и установлении возможно единообразного типа изготовляемых нами изделий. Автор отмечает попутно, что в области текстильной промышленности мы уже одержали крупные успехи, которые следует развить и расширить во всех отраслях нашей промышленности. Очень хорошо освещен автором вопрос о введении усовершенствований и экономии материалов, к которым следует привлечь рабочих, заинтересовывая их индивидуально, путем выдачи премий. Интересны приведенные автором цифры из практики одного крупного завода в Америке, на котором из 8.200 предложенных в 1921 году рабочими усовершенствований 2.200 были признаны заслуживающими внимания и проведены в жизнь. Очень кстати упоминает автор о более рациональном использовании отбросов, ибо на этот вид экономии у нас до сих пор не обращалось должного внимания.

Успешность работы промышленного предприятия зависит, по мнению автора, от следующих условий: 1) технические улучшения, 2) стандартизация и специализация производства, 3) максимальное использование рабочего времени, 4) наиболее полное использование рабочей силы, 5) правильный подбор рабочих, 6) правильная распланировка предприятия. Мы бы еще прибавили вопрос о качестве сырья и рациональной его доставке на завод, — вопрос, которого автор, к сожалению, не касается вовсе, как не касается он и вопросов быта и заработной платы рабочих, играющих огромную роль в успешности предприятия. Слишком мало примеров приводит также автор из практики западно-европейских заводов и недостаточно их конкретизирует.

Брошюра В. Лазарева, несмотря на указанные недостатки, заслуживает внимания рабочего читателя.

А. Г.

Ответственный редактор: **Мих. Левин.**
Адрес редакции: Ленинград, Проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 4914. Тип. Раб. Изд. „Прибой“ им. Евг. Соколовой, Пр. Кр. Команд., 29. Зак 282. Тираж 25.125—4.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09